

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
— ДУХ СОЗИДАЮЩІЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

Предки и потомки.
Мерило ценности и заработная плата.
Несколько слов об Интернациональном Анархичес. Конгрессе.
Первое Международное Товарищество Рабочих.
Основные предпосылки современной философии гуманизма.
Мгновения вечности. (Диалоги).
На долго ли?
О наших Разногласиях.
Как и в каких условиях надо строить жизнь на свобод. нач.
Против собственности (Стихотворение).
О судах и судьях (Пословицы и поговорки).
Стихотворение.
Убийство японских революционеров.
Резолюция А.—К. группы г. Филадельфии.
Бюллетень Об'ед. Комитета Защиты Заключ. револ. в России.
Отчеты и заявления.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
им. В. И. ЛЕНИНА

64-113

ПРЕДКИ И ПОТОМКИ.

(К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛАХ).

В последние годы упадка революционного движения очень много говорят и пишут о необходимости различных объединений вообще и создании Интернационалов — в частности. Каждый раз, как только в той или другой стране успешно начавшаяся социальная революция, по тем или иным причинам, хоронилась или задерживалась, — нарождался новый Интернационал. В большинстве случаев инициаторами и творцами его являлись политические партии или объединения, выполнявшие роль могильщика революций.

Измена революции и наглое предательство интересов трудящихся большевистской партией в России считается теперь, не подлежащим никакому сомнению, общеизвестным фактом. А между тем никто столько не кричит, не тратит энергии и не трудится над созданием разного сорта Интернационалов, как большевистская партия. Она успела уже испечь целых два Интернационала, "успешно" функционирующих на бумаге, и готова прибавить к ним еще несколько, что бы показать этим свою "революционность", шпироту и размах.

Социал-демократы, похоронившие по первому разряду революцию в Австро-Венгрии и Германии, не отстали, как известно, от большевиков и создали два Интернационала: Венский и Амстердамский, теперь слившиеся в один. Надо также причислить к общему списку синдикалистский Интернационал в Берлине и все еще не вышедший из периода формации анархистский Интернационал и, возможно, индустриалистский (I. W. W.).

Судя по всему этому, приходится констатировать, как бы охватившую всех, все течения — до анархистов включительно — затронувшую тенденцию к созданию интернациональных объединений. Каждый раз, как появляется новый Интернационал создатели его обыкновенно ссы-

лаются на "исторический опыт прошлого" и тревожат кости, давно почившего покойника, — первого Интернационала. Новоявленные Интернационалы считают для себя обязательным выдать себя за законных наследников и потомков этого почтенного родителя.

Революция, по мнению творцов новых Интернационалов, станет развиваться гораздо успешнее, если того или иного новорожденного младенца вписать в родословную Маркса или Бакунина. И эти казались прозорливые политики, все знающие и ведающие наперед, не могут ступить шагу без оглядки назад и изощряются в доказательствах того, что именно они поступают точно в точь так, как в подобных обстоятельствах поступил бы Маркс или Бакунин.

Если бы такие, несомненно великие люди, как Маркс и Бакунин открыли единственно верную, действительную и пригодную для всех стран и во все времена форму организации или знали бы верный рецепт, исцеляющий от всех общественных недугов, то нам оставалось бы только выполнять советы и следовать указаниям. В самом же деле, ни Бакунин, ни Маркс, ни все бывшие, настоящие или будущие теоретики, философы и ученые не нашли "философского камня", а лишь искали или намечали казавшиеся им верными средства и пути, и в большинстве случаев ходили вокруг да около предмета, запутываясь в дебрях своих диалектических и метафизических построений.

Известно, например, что одним из популярных, так сказать, заблуждений революционеров времени Бакунина и Маркса, дань которому до известной степени заплатил не только мятежный Бакунин, но и твердо-каменный Маркс, — было ошибочное убеждение в том, что революцию можно совершить сверху вниз, по заказу, чуть ли ни в любое время дня и ночи и при том силой нескольких сот, а то и десятков храб-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ
Музея Революции
И
БИБЛИОТЕКА

рых и отважных революционеров.

Основанный при участии Бакунина и Маркса первый Интернационал носил, разумеется, отпечаток и духовный облик своих творцов. Однако практика и суровая действительность, рассеивающая всякие романтические иллюзии, как бы заманчивы и соблазнительны они ни казались, взяла верх над порывами чувства и, таким образом, спасли детище от увлечений и ошибок ранней молодости.

В наше время принято думать, что революция вызывается при наличии известных экономических, политических и психологических причин, независимых от контроля и воли политических партий, или зависимых от них только до некоторой степени. Этим объясняется, между прочим, и то обстоятельство, что за исключением военных переворотов, мы пока не знаем ни одного случая объявления какой либо партией революции и совершения ее в назначенный срок. Из истории же мы знаем, что революция почти всегда возникает стихийно, неожиданно и в некоторых случаях вопреки ожиданиям и желаниям политических партий.

И назначение этих последних заключается не в том, чтобы вызвать известное событие, независимое от их воли, хотя это не может мешать им желать и стремиться к его осуществлению, а в том, что бы воспользоваться стихийно вызванной революцией в своих интересах, или придать ей свой особенный отпечаток и желательное направление.

Решающим моментом в каждой революции считается не самый взрыв, а следующий вслед за ним момент учета и реализации революционных завоеваний, так сказать расплата по векселю. В такие моменты происходят грандиозные надувательства, обман. Бывает и иначе. Обыкновенно выигрывает течение, обладающее хорошей организованностью, сплоченностью, решительностью, готовностью к жертвам, ясностью и убежденностью своих идей.

Всего меньше в такой местной борьбе может иметь какое либо практическое значение руководство или вернее — вмешательство Интернационала в ход и направление революции. Если Интернационал не может, так сказать, искусственно и произвольно вызвать революцию, то ме-

ньше всего он подходит для роли руководителя, не им самим вызванной революции. И в настоящее время о попытке первого Интернационала руководить действиями Парижской коммуны из Лондона говорят, как о забавном курьезе.

Первый Интернационал, однако, сыграл весьма важную роль в рабочем движении тем, что, благодаря своим интернациональным связям, смог оказать моральную и материальную поддержку начавшемуся тогда движению на почве увеличения заработной платы и уменьшения рабочего дня. Моральное значение Интернационала среди французских рабочих возросло особенно после получения через его посредство материальной помощи от английских рабочих во время одной большой стачки.

Но по мере того, как ободренные успехом забастовочного движения рабочие все более уклонялись в сторону борьбы за экономические улучшения, и по мере того, как их экономические организации расширялись и крепили, — утрачивалось влияние первого Интернационала на рабочие массы, имевшие смутное представление о политических задачах Интернационала и привыкшие видеть защитника своих интересов в созданных ими профессиональных союзах. Возникшие в самом Интернационале фракционные трения, конечно, сыграли известную дезорганизующую роль, но одной из главных причин упадка и смерти его была политическая косность и отсталость рабочих масс, которая мешала им подняться выше своих грошевых, повседневных интересов. Великий идеал освобождения рабочего класса от капитализма отодвигался на задний план в то время, как главное внимание экономических рабочих организаций направлялось на достижение улучшения материального положения. (К сожалению подобное настроение в рабочей среде является преобладающим и в наше время).

Таким образом первый Интернационал умер, не выполнив главной своей задачи сокрушения капиталистического строя, дав своей деятельностью лишь сильный толчок к развитию профессионального рабочего движения.

* * *

Как ни велика сила действия закона подражания, играющего известную роль в общественном движении, одним этим обстоятельством,

однако, нельзя объяснить возникновения в последние годы одного за другим нескольких Интернационалов и все непрекращающихся усилий создания новых. В самом этом факте, представляющем на первый взгляд как бы революционное явление, нельзя не видеть политиканства, выполняющего в некоторых случаях роль громового слова, или, что еще хуже — прикрывающего вопиющие преступления, совершаемые под флагом революции.

Большевистская партия в России организует Интернационал одновременно с ликвидацией социальной революции. Вместе с насаждением уничтоженного революцией капитализма в России большевики призывают к уничтожению его в других странах. Получается необычайный сумбур и путаница. В России большевики прививают капитализм потому, что он существует в других странах. В этих же последних, революционно настроенные рабочие, после большевистского опыта, колеблются и сомневаются в целесообразности и возможности общественного устройства без капитализма, на новых свободных началах и при этом в пример приводят Россию: большевики, мол, ничего не могли сделать без капиталистов.

В мировом рабочем движении происходит заминка, пауза. Надо было бы найти виновника неслыханного предательства и притянуть его к позорному столбу, но это оказывается не так легко сделать. Коммунистическая партия ловко заматывает следы преступления, она по-прежнему забегает вперед событий и эта преступница не только не посажена на скамью подсудимых, но сама выступает в качестве защитника обманутых и преданных ею трудовых масс.

Вместе с зазываниями в Россию иностранных капиталистов и соблазна их выгодностью эксплуатации дешевого русского труда политические фигляры из московского Интернационала играют заманчивыми лозунгами и революционными фразами. Не Москва изменила, кричат они, а мировой пролетариат, не поднявшийся на революцию. В одной стране, говорят они, немислива социальная революция; она должна быть совершена в мировом масштабе, а посему организуемся в Интернационал и будем вместе ожидать второго пришествия, то бишь... соци-

альной революции. Тогда то уж мы наверное разделаемся с капиталистами, а пока что пусть они процветают себе на здоровье.

Во всех подобных большевистских софизмах, сопровождающихся всевозможными ссылками на различные примеры и "убедительными" доводами, не особенно легко разобраться, не привыкшему лукаво мудрствовать, рабочему. В большинстве случаев он инстинктивно чувствует неправоту и им не верит, но он и не может их опровергнуть.

Необходимость мировой социальной революции выставляется социалистами вследствие представления современного капиталистического хозяйства в виде одного целого, составляющегося, по их мнению, из органически входящих в него хозяйств отдельных стран. Отсюда они делают вывод, что часть, т. е. одна страна, взятая в отдельности, не может функционировать, будучи отрезанной от целого, т. е. всех других стран.

Подобный взгляд можно было бы признать правильным только в том случае, если бы каждая страна в отдельности, в действительности, представляла из себя не что иное, как ногу, руку, глаз и т. п. целого, или при переводе на язык экономики, — выполняла бы одну какую либо производственную функцию, т. е. шила бы сапоги, другая — костюмы, третья — добывала уголь, четвертая — производила мануфактуру и т. д. В действительности, ничего подобного не наблюдается в современных капиталистических странах.

Подмеченная марксистами тенденция к монополизации некоторых отраслей производства некоторыми странами имеет не абсолютное, а лишь относительное значение. Эта тенденция обыкновенно проявляется в странах с более развитой промышленностью и терлет свою остроту по мере того, как отсталые в промышленном отношении страны начинают сами производить продукт и вступать в конкуренцию с монополизировавшей его производством страной.

В области производства нет ничего твердого, устойчивого. Новейшие исследования экономистов и в высшей степени важная в этом отношении книга Кропоткина "Поля, Фабрики и Мастерские" доказывает полную несостоятельность марксистского представления мирового хозяйства в виде одного органического целого,

составляющегося из хозяйств-частей разных стран, будто бы находящихся в зависимости от целого и несамостоятельных.

Основательное изучение промышленности, земледелия и торговли привело экономистов к заключению, что подобная экономическая взаимозависимость все более ослабляется, а в некоторых случаях совершенно теряется. Такие земледельческие страны, как Россия, Швеция, Норвегия, Аргентина и др., которым марксистскими экономистами предназначено заниматься земледелием, все более и более удаляются от подобного назначения и обзаваются самостоятельной индустрией, и не только могут удовлетворять свой собственный спрос на фабричные изделия, но и конкурировать на мировом рынке с более развитыми в промышленном отношении странами, производящими те же самые продукты.

Наблюдаются и такие явления, что эти новопришельцы вытесняют своим товаром занимавшую до этого на рынке преобладающее положение страну. Кропоткин в упомянутой книге приводит не мало таких примеров, когда французская мануфактура вытесняла английскую и наоборот, когда немецкие фабрикатy оттесняли на задний план английские, когда на рынке появлялся новый опасный конкурент в лице быстро развивающейся промышленности Америки и т. д.

Даже такие крошечные страны, как Болгария, Сербия и др. не могли примириться с своей экономической зависимостью от больших стран и постепенно создают свою крупную промышленность. Явно выраженный меркантильный и промышленный характер некоторых стран будет терять свое значение по мере того, как другие страны, обзаводясь своей собственной промышленностью, будут освобождаться от необходимости приобретения иностранного товара.

И при теперешнем уровне развития техники почти все европейские страны не только могут удовлетворять спрос своей страны на товары, но и производят их в превышающем его количестве и, следовательно, для сбыта излишка должны искать заграничные рынки.

Но если с промышленной точки зрения каждая страна представляет не часть, а самостоятельное целое, способное обслуживать свои собственные потребности, то, по уверению марксистов,

не каждая страна может прокормить свое население. В этом случае указывается на Англию, хлебный засев которой настолько невелик, что его едва ли хватило бы на несколько недель для прокормления всего населения страны. Положение, однако не так безвыходно, как его изображают нам английские социалисты. Известно, например, что значительное пространство земли в Англии, находившееся раньше под засевом, теперь обращено в пустыри, служащие местом охоты для богатых и праздных людей. Земледелием в Англии пренебрегают потому, что занятие промышленностью представляет более выгод. Но подобное отношение к земле может измениться и даже в недалеком будущем, когда развитие промышленности в других странах заставит англичанина взяться за сошку и добывать хлеб в поте лица своего.

Как видно из всего этого, каждая страна представляет из себя самостоятельную хозяйственную единицу, которая сможет жить и развиваться даже в том случае, если почему либо утратит связь с другими странами. Если большевики утверждают обратное, т. е. что без помощи капиталистов извне нельзя восстановить хозяйственной жизни страны, то это только указывает на то, что Россия все еще больна и не вылечена от давнишней, ставшей у нее хронической, болезни, и что новые правители, как и царское самодержавие, прибегают к старым, негодным средствам — помощи иностранного капитала, еще более ослабляющего страну и высасывающего из нее все живые соки.

Иностранные капиталисты, конечно не дадут займа большевикам, а народу он не нужен, ибо чужие деньги, как говорится, впрок не идут. Исцелить больную, и задыхающуюся в тисках большевистской тирании, страну может лишь одно средство, это — анархистская революция, уничтожение большевистской и всякой власти и свободное строительство вольной жизни самими трудящимися без чиновников и какой бы то ни было опеки. Свободное творчество, свободная инициатива — вот дух животворящий, воодушевляющий, созидующий.

* * *

Большевики и социалисты организуют свои Интернационалы не для освобождения рабочего

класса от капитализма, а закабаления его в новую форму политического и экономического рабства. Напрасно большевики в России хлопочут с социальной революции и пытаются доказать, что государственный коммунизм, примененный в мировом масштабе, совсем не будет похож на те формы, какие он принял в России при осуществлении его в одной стране. Большевицкий коммунизм в достаточной мере выявил свою звериную физиономию, а в мировом масштабе он пожалуй был бы еще страшнее апокалипсического зверя.

Все разговоры большевиков об интернациональном объединении и борьбе с капитализмом ни более, как ловкий маневр, которым прикрываются такие большевистские пакости, как НЭП, чекистские расправы, ограбление деревни налогами, неслыханный произвол и издевательство власти над порабощенным народом, расправы над политическими, ссылки их и тому подобные прелести "пролетарской" диктатуры.

В то время, как шуйца Зиновьева грозит социальной революцией мировому капитализму, его десница братски пожимает руку американских, английских и немецких капиталистов, торгующихся с "вождями" мировой революции из-за концессий в России. А за плечами у фельд-маршала мировой революции вырисовывается силуэт Дзержинского — эта святая эмблема большевизма, — который готов растерзать своими кровавыми руками каждого, дерзнувшего возносить хулу на святую вселенскую большевистскую партию и ее учителей и пророков. Кто после всего этого может утверждать, что история не повторяется, а давно отошедшая в область предания святая испанская инквизиция не опе-

рирует в наш "просвещенный" век в самых диких и зверских проявлениях?

Спросим мы, наконец, себя, нужен ли анархистский Интернационал? Такое объединение, по образу и подобию большевистского, которое бы решало, законодательствовало, направляло и руководило, конечно, не нужно анархистам. Мы не овцы и в пастухах не нуждаемся. Анархист без индивидуальности, у которого отсутствует чувство собственного достоинства, инициативы, который неспособен к самостоятельному мышлению и нуждается в вожатых и погоняных — совсем плохой анархист и ненадежный борец, ибо, как человек горячо и преданно может бороться за то, чего он не понимает или имеет смутное представление.

Анархистам необходимо выяснить и свое определенное отношение к вопросу о социальной революции в "мировом масштабе", т. е. что у нас должно быть важнее всего и на первом плане: социальная революция отдельно в каждой данной стране, или мировая. На наш взгляд, как последовательные децентралисты, мы не можем не признать возможности и целесообразности прежде всего территориальных социальных революций и только, как идеал более или менее отдаленного будущего, революции в мировом масштабе.

По своей сущности анархистское интернациональное объединение может быть только информационным и пропагандистским. В такой форме оно, конечно, может функционировать и выполнять свою важную и в высшей степени необходимую работу.

Декабрь 1923 г.

U. S. America.

МЕРИЛО ЦЕННОСТИ И ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

Жан Грав.

Единственный путь к тому, чтобы жизнь стала легкой и радостной, чтобы каждый индивид получил возможность удовлетворить в полной мере присущие ему потребности — это категорическое изъятие из социального обмена как заработной платы, так и мерила ценности (денег).

Оценка индивидуального труда, как рациональная основа вознаграждения, должна быть решительно отвергнута, ибо, устанавливая подобного рода мерило, мы тем самым неизбежно ограничиваем покупательную способность масс.

Для того же, чтобы каждый, напротив, мог

пользоваться всеми существующими благами, будь то произведения природы или продукты общественного производства, последние должны быть предоставлены в общее свободное пользование, с тем единственным ограничением, что в случае недостаточной продукции, при распределении устанавливается известный порядок очереди.

Много споров вызвал в свое время формулированный Лассалем "железный закон заработной платы", но вопрос и поныне остается крайне неясным. Не думаю, чтобы и самому Лассалю закон этот представлялся в истинном свете.

Капиталисты — утверждает Лассаль — уплачивают рабочим незначительную минимальную сумму, едва достаточную для удовлетворения их насущнейших нужд, причем все усилия работодателей направлены на то, чтобы этот минимум не был превзойден.

С увеличением минимума стоимость жизни соответственно возрастет, повышенная заработная плата вновь оказывается недостаточной, и так до бесконечности — при каждом повышении ставок.

В этой непреложной взаимозависимости и выражается сущность так называемого "железного закона". Предполагается, однако, что указанные отрицательные явления вытекают исключительно из существа капиталистического режима; в гармоническом обществе будущего, основанном на более справедливых началах, заработная плата, по общему мнению, должна быть сохранена, как весьма практичное установление, регулирующее потребление и производство и позволяющее воздавать каждому по его заслугам.

Здесь именно скрывается существенная ошибка. При самой совершенной организации общества железный закон заработной платы сохранит свое пагубное влияние, поскольку мы попрежнему будем расценивать каждый отдельный предмет, каждое единоличное трудовое усилие индивида.

Ибо, фиксируя оплату производительного труда, мы заранее ограничиваем возможности потребления для тех, кому предстоит существовать на данную плату, и ко всем трудностям, неизбежным по самой природе экономических взаимоотношений между индивидами, присоеди-

няем излишний осложняющий и сковывающий момент.

Никто, разумеется, не вправе расходовать более того, что зарабатывает, а, следовательно, установление определенной заработной платы равносильно фиксации жизненного бюджета.

Фиксирована ли эта плата в размере 5 или 1000 франков в день, результат получится тот же; лица, существующие в скромных рамках своего трудового заработка, не станут от этого ни беднее, ни богаче.

Если плата за рабочий день составляет не более 5 франков, предметы производства получат широкий и прочный сбыт; при оплате в 1000 франков пропорционально возрастут и товарные цены. Если, например, рабочий в течение дня производит 10 предметов, каждый из них воплощает в себе — оставляя в стороне стоимость материала и различных предварительных операций — трудовую ценность в размере 50 сантимов, откуда следует, что всякий потребитель зарабатывающий, в свою очередь, 5 франков, получает право на 10 данных предметов.

Если же рабочий получает 1000 франков, стоимость каждого предмета достигает 100 франков, и потребитель, в возмещение своего трудового дня, приобретает права на те же 10 предметов, как и в то время, когда он зарабатывал 5 франков.

При условии, если бы каждый час труда давал в результате определенный, осязаемый продукт, поступающий на общественные склады в виде того или иного изделия либо предмета, вся система, пожалуй, могла бы действовать удовлетворительно; существует, однако, целый ряд безусловно необходимых работ, которые отнюдь не кристаллизуются в форме потребляемых продуктов, а именно: транспорт, жел. дороги, почта, контроль путей сообщения и т. п. Оплата этих категорий труда включается в стоимость производимых предметов. И это систематическое, последовательное удорожание приводит к тому, что предметы, первоначально стоившие недорого, становятся, в конце концов, совершенно недоступными потребителю.

Воспользуемся более отдаленным примером: Сохраняя оплату труда, мы можем достигнуть экономического равенства (поскольку оп-

лата эта установлена для всех в одинаковом размере), в лучшем случае — известного общего благосостояния, сравнительно с тем положением, какое существует в современном капиталистическом обществе; но полная свобода удовлетворения физических и духовных потребностей при этих условиях абсолютно недостижима, ибо возможности потребления масс скованы фиксированным бюджетом; и общее благоденствие, таким образом, остается в тесных пределах посредственности.

А это прискорбное явление возникает в результате того, что, оплачивая по особому тарифу каждую мельчайшую стадию производства, мы в итоге сообщаем предмету непомерную, искусственно раздутую стоимость, нарушающую равновесие сбыта.

Вот блестящий пример той экономической неслепицы, какая имеет место в современном капиталистическом строе: в известные периоды времени культурные садоводства и оранжереи приносят настолько обильный урожай фруктов, что стоимость сбора превышает доход от продажи; в виду этого г. г. садоводы оставляют великолепные плоды гнить на месте, терпя жестокие убытки от не в меру изобильного урожая.

Факты этого рода повторяются ежегодно; в некоторых районах, лишенных удобной транспортной связи, превосходные перенки и прочие изысканнейшие фрукты систематически отдаются в пищу... свиньям.

Мы допускаем, что в обществе, организованном на более нормальных принципах, подобные факты не будут носить столь явно-скандальный характер, но тем не менее система заработной платы попрежнему будет вызывать непомерное "переобременение" цен, затрудняя потребление продуктов, которые, в виду их обилия, должны были бы идти за бесценок.

Нормальные экономические взаимоотношения между индивидами должны осуществляться вне посредствующего участия меновой ценности, будь то франк, рабочий час или какое либо иное произвольно установленное мерило.

В обществе, отрешившемся от системы мерил и заработной платы, все будет происходить совершенно иначе: **труд будет обмениваться на труд**, а отнюдь не на меновые ценности, уста-

вливаемые всегда более или менее произвольно.

При производстве, преследующем цели потребления, а не торго, продукты будут достигать потребителя без переобременения ценой, и обилие их будет источником общего благосостояния, вместо того, чтобы причинять производителям крупные убытки, не принося, в то же время, потребителю ни малейшей пользы.

— "Однако", скажут нам, "при всем том работа по сбору фруктов потребует не меньшего труда, чем в условиях капиталистического строя; а между тем всегда ли окажется возможным найти достаточное количество рабочих рук, чтобы своевременно справиться с этим важным и срочным делом?"

В ответ на это возражение мы можем только заметить, что если в свободном гармоническом обществе, где каждому, в возмещение его полезного труда, обеспечена возможность удовлетворять полностью все его нужды, мы все же скажемся не в состоянии найти необходимое количество рабочих рук, то это свидетельствовало бы о том, что лица, вошедшие в состав обновленного общества, унаследовали свой образ мыслей от эпохи капитализма, и только революция довершит великую задачу социального перевоспитания масс.

Уже в настоящее время, при господствующей капиталистической системе, является почти доказанным, что мы можем производить достаточное количество продуктов, ограничиваясь 8-ми часовым рабочим днем.

Между тем многие ли, в действительности, заняты в реальном производственном процессе, в производстве предметов потребления и орудий труда, или на необходимых государственных службах? Сколько тысяч трудящихся, не говоря уже о лицах, живущих за счет чужого труда, выполняют исключительно функции наблюдения и учета, т. е. те именно праздные функции, которым в здоровом обществе нет и не может быть места?

Мы не считаем при этом тех 800.000 молодых людей, которых правительство заставляет бездельничать в казармах!..

А какое множество лиц находится в услужении у тех паразитов, которые, ничего не делая для других, не в состоянии обслуживать са-

мих себя?!

И когда вся эта праздная масса будет привлечена к участию в здоровом производительном труде, мы не только не будем испытывать недостатка в рабочих руках, но у каждого останется еще достаточный досуг, которым он вправе будет располагать по своему усмотрению.

Мне хорошо знакомо основное возражение, выдвигаемое сторонниками сохранения меновой ценности: последняя будто бы является превосходным средством общественного контроля, не позволяющего отдельным индивидам обкрадывать общество (потребляя и ничего не производя, или производя в недостаточном количестве)...

Здесь не место развлекать в деталях систему будущей организации общества, — это увлекло бы нас слишком далеко от темы. Скажу только, что предугадываемая мною система свободных трудовых ассоциаций устранил указанную опасность в корне, если только опасность эта действительно существует.

Каждый член общества может быть занят в различных видах производительного труда, но ни в каком случае не может лично производить все необходимые ему предметы, так как способности его весьма и весьма ограничены.

В виду этого группы, к которым принадлежат отдельные индивиды, должны будут входить в сношения с другими группами для обмена продуктов собственного производства на нужные предметы.

Эта то экономическая связь и послужит наилучшим контролирующим моментом, регулирующим потребление и производство. Но это уже вопрос иного порядка; возвращаясь к отрицательным сторонам меновой ценности и заработной платы.

Может случиться (и, несомненно, должно случиться), что некоторое количество продуктов останется непотребленным, залежится на складах, в результате чего производящие данный продукт группы вынуждены будут в ущерб своим интересам сократить производство.

Основные недочеты капиталистического строя остаются, следовательно, как бы в полной силе.

Нам заявлять, конечно, что вопрос этот будет решаться специальными статистическими комиссиями, определяющими, поскольку то или

иное производство должно быть расширено или сокращено!..

Учреждение пресловутых комиссий представляется с нашей точки зрения совершенно излишним, функции их — абсолютно паразитарными при условии, если индивиды объединятся в свободные производственные группы, отрешившись от мерила ценности и заработной платы.

Последняя представляет собой типическое порождение капитализма, и должна исчезнуть с крушением создавшей ее системы.

Нельзя, конечно, отрицать, что деньги, как и все прочие мерила ценности, оказали огромное влияние на развитие первобытного обмена, и в настоящее время способствуют процветанию капиталистической коммерции; опровергать это было бы ребячеством. И все же мы должны признать, что денежная система, облегчая коммерческий обмен, извращает в то же время, нормальную природу экономических отношений.

Мы видели, что система расценки, прилагаемая к самым незначительным предметам, к малейшему трудовому усилию, к ничтожнейшим перемещениям, приводит, в конце концов, к тому, что для некоторых предметов стоимость производства превышает их рыночную ценность.

Другой, не менее показательный пример — это железные дороги.

Предположим, что за все время их существования — около 80 лет — дивиденды и уплата по облигациям составляла не более 5 %; даже и в этом случае основной капитал возмещен в учетверенном размере, а мы все еще продолжаем платить проценты, и ничто не предвещает освобождения от этой дани.

Наиболее примечательно то, что помимо грабительских цен, установленных за пользование ж. д. сетью, мы должны еще платить нечто вроде постоянного налога.

Но этим дело не ограничивается: за провоз товаров взимаются также непомерно высокие цены, которые впоследствии должны быть отнесены на счет издержек производства.

Больше того: если, благодаря целой серии афер, сооружение дорог обошлось гораздо дороже нормального, мы вынуждены в течение ряда поколений переплачивать огромные суммы — как последствие того, что нас однажды обворовали!

Не возмущайтесь и не протестуйте, уважаемый читатель: подобный случай имел место в России, где, согласно данным Гюйо, сооружение ж. д. сети обошлось дороже на 20 %, в результате систематического взяточничества и льготных подрядов. При этом нужно еще иметь в виду, что далеко не все случаи злоупотреблений получили должную огласку.

* * *

В вопросе об ограничениях, налагаемых оплатой труда на возможности потребления широкими масс, аргументация моя не достигнет предель-

ной ясности, но всего сказанного по этому поводу достаточно для того, чтобы лица, интересующиеся проблемой будущего коммунистического общества, серьезно продумали поставленный здесь вопрос и, быть может, восполнили имеющиеся пробелы.

Надеюсь, впрочем, что путем углубленного анализа мне удастся раскрыть до конца этот сложный механизм перекрещивающихся взаимозависимостей и влияний, очертания которого рисуются мне вполне ясно, действие же остается неуловимым.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ АНАРХИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ.

Г. Ж.

Больше не стоит говорить, — да и сказать то нечего. Это был какой то нелепый фарс, который и огорчает, и обижает. И самая большая обида в том, что анархисты уже не в состоянии устраивать свои конгрессы...

Не буду здесь говорить о значении анархических конгрессов вообще. Хотя польза последних и спорна, но мы, болгарские анархисты, все же, от этого товарищеского съезда кое-что и ожидали. Для нас не прошла безследно и неудача конгресса, которая нас многому научила.

Конечно, я не думаю, что в этой неудаче виноваты одни лишь французские товарищи. Этому содействовала целая цепь объективных причин. Но это не уменьшает вины и французских товарищей. К чему, например, нужны были все эти неожиданные и несвоевременные отсрочки и установления новой даты конгресса? А, ведь, до некоторой степени, это помешало приезду многих товарищей. Прибыло только несколько делегатов национальных юнионов и федераций. И это к лучшему, так как иначе делегаты провозились бы бесцельно в продолжении целого месяца (как это случилось с Бюрклундом), что бы дожидаться этого проклятого числа — 9 октября. Но если для некоторых судьба Бертони, Бюрклунда и Мануса была бы "освобожде-

нием", то были и такие, для которых вопрос о высылке не был безразличен...

Вина французских товарищей заключается в том, что они не только не позаботились об организации конгресса, но и (кажется) не дали возможности и другим заняться этим. А конспиративному конгрессу необходима серьезная и ответственная организация. В этом отношении французы оказались далеко не на высоте положения. Делегаты должны были торчать целыми днями в редакции «Libertaire»-а, только затем, чтобы установить связи!

И венцом всего этого является то, что «Libertaire» (выражаясь мягко) "утверждает", что, несмотря на препятствия и высылку вышеупомянутых товарищей, конгресс все же состоялся. Мы хотели бы знать, какие были эти собравшиеся 12 делегатов и чем они занимались? Ведь, всего навсего делегатов было несколько; трое из них арестованы, а голландский и болгарский делегаты, видя всю эту неразбериху, отказались присутствовать на этом импровизированном собрании!

Воистину — комедия...

И печальнее всего, что эта комедия разыгралась как раз в момент, когда интернациональный фашизм серьезно организовывается, го-

товя новые текатомбы для рабочих всего мира...

Да, повторяю, неудача конгресса нас, болгаров, многому научила.

А что нам мог дать этот конгресс? Прежде всего, некоторую ориентацию по многим теоретическим и практическим вопросам. В последнее время, после Ямбольского съезда, наше движение переживало период постоянного "начинания с начала" и интенсивной "переоценки анархических ценностей". Ямбольский съезд разбил среди нас некоторые общие для анархизма предрассудки, некоторые теоретические нелепости, которые уже давно нужно было бы выбросить за борт. Но самое большое недоразумение — анархо-синдикализм — оставалось. Трудно было его приверженцам проститься с ним, даже после того, как на самом съезде они были вынуждены признать свои заблуждения и согласиться с революцией, которой резко осуждалось увлечение анархо-синдикализмом. Но я думаю, что вопрос об анархо-синдикализме является не только нашим домашним вопросом, — он, хотя и в ином освещении, есть вопрос дня всего анархического движения. В этом отношении для болгарских анархистов были бы ценны дискуссии конгресса, а главное, мнение по этому вопросу русских товарищей, которые имеют за собой великий опыт русской революции.

Кроме этого вопроса, для нас имелось и много других, о которых у нас мало говорилось, мало писалось и обмен мнений на съезде нам мог бы сказать многое.

Но самое ценное, которое мы ожидали — это установление тесной связи с западно-европейскими и американскими товарищами. В сущности, до последнего времени, болгарское анархическое движение являлось абсолютной *terra incognita* для большинства заграничных товарищей. А в маленькой Болгарии творится немалое дело анархизма. Это должно были бы знать заграничные товарищи, так как неведение этого ставит нас перед такими фактами, что в то время, как, например, в одной Франции о судьбе двух осужденных к смерти (Матье и Николау) волнуется весь французский пролетариат (что и вполне справедливо), и по этому поводу

устраиваются грандиозные манифестации с протестами, заполняются целые номера газеты, — в этой же Франции не знают о десятках и сотнях болгарских анархистов и революционеров, расстрелянных без всякого суда и следствия. Виноваты ли болгары, что не дали о себе знать?

Нисколько. Когда полтора года тому назад судьба Сакко и Ванцетти волновала интернациональный пролетариат, нам, в Болгарии, никто ничего не писал об этом. И, все таки, болгарские товарищи сделали все от них зависящее, присоединив и свой голос протеста за освобождение этих мучеников. Как наглядный пример деятельности в этом направлении болгарских анархистов, я укажу хотя бы на следующий факт: в американское консульство, в Софии, в знак протеста, была брошена бомба, и после этого именина Сакко и Ванцетти стали знакомы всем революционным рабочим Болгарии, а не только анархической редакции.

Я никого здесь не обвиняю, я хочу лишь напомнить заграничным товарищам, что в этот момент, когда реакция в Болгарии свирепствует и пожирает сотни наших лучших борцов, интернациональная солидарность, выраженная какимнибудь протестом, сделала бы очень много для облегчения участи, по крайней мере, арестованных товарищей.

В Болгарии избили и продолжают избивать сотни анархистов и революционеров. Международный пролетариат не знает об этом. И неудивительно: об этом даже не знают редакции анархических газет.

От имени болгарских мучеников я призываю заграничных товарищей принять все меры к облегчению участи своих болгарских братьев. Пусть их судьба не будет безразлична для анархистов всех стран. Наше дело общее — и если необходимо проявлять солидарность, так пусть она проявится именно в тот момент, когда она наиболее всего нужна страдающим в застенках и казематах. Память же павших борцов почтить беспристрастной и истинной оценкой их революционной деятельности.

Все это мы, в большей степени, имели право ожидать от последнего конгресса.

ПЕРВОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХ.

А. Карелин.

(Продолжение).

СОЮЗ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ И ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

В 1868 году, на втором Бернском конгрессе "Лиги Мира и Свободы" М. А. Бакунин и его друзья предложили конгрессу высказаться за следующую резолюцию: — "принимая во внимание, что величаво вставший перед нами вопрос есть вопрос об экономическом и социальном уравнивании классов и индивидуумов, конгресс заявляет, что вне такого уравнивания, т. е. вне справедливости, свобода и мир не могут быть осуществлены. Следовательно, конгресс вносит в порядок дня предложение изучить практические средства для разрешения этого вопроса."

Для членов конгресса было ясно, что уравнивание классов есть не что иное, как уничтожение классов и предложенная резолюция была отклонена большинством голосов.

Тогда меньшинство конгресса отделилось 25-го сентября от Лиги, огласив следующую декларацию: — "Принимая во внимание, что большинство членов "Лиги Мира и Свободы" страстно и всецело высказались против экономического и социального уравнивания классов и индивидуумов, что всякая программа и политическое действие, не имеющие целью реализацию этого принципа, не будут приняты демократами социалистами, т. е. сознательными и логичными друзьями мира и свободы, ниже подписавшиеся считают своим долгом отделиться от Лиги". Следует 18 подписей, в том числе подписи М. А. Бакунина и Э. Реклю.

Вышедшие из Лиги социалисты тотчас же основали "Международный Союз социалистической демократии". На собрание этих лиц явился некто Угин, но М. А. Бакунин попросил его удалиться, заметив, что собравшиеся хотят быть между своими.

В программе Международного союза значилось, что союз объявляет себя атеистическим, что союз хочет общественного, политического и экономического уравнивания классов, что земля и орудия труда должны стать коллективной соб-

ственностью и что ими должны пользоваться сельскохозяйственные и промышленные ассоциации рабочих. Программа союза требовала далее равенства образования на всех его ступенях, признавала только республиканскую политическую форму, при чем союз отвергал всякое политическое действие, которое не имело бы прямой и единственной целью победу рабочего дела над капиталом. Программа указывала, что все государства должны исчезнуть во всеобщем союзе свободных сельскохозяйственных и промышленных ассоциаций. Провозгласив международную солидарность рабочих, она отвергла политику, основанную на так называемом патриотизме и соперничестве наций. Наконец, программа заявляла, что союз "хочет всемирной ассоциации всех местных свободно объединившихся ассоциаций".

Конечно, программа Международного Союза ни в чем не противоречила принципам Международного Товарищества и разве только шла впереди последних. Члены Союза, зная, что Брюссельский конгресс предложил присоединиться к Интернационалу всей "Лиге Мира и Свободы", имели полное основание ожидать, что их союз будет принят в Международное Товарищество Рабочих. Но они рассчитывали без Главного Совета Интернационала, руководитель которого хотел держать в своих руках весь Интернационал и не мог не бояться такого учреждения, как международный союз социалистической демократии. Под более чем странным предлогом, что союз преследует те же цели, что и Интернационал, Главный Совет отказался принять его в ряды Международного Товарищества. Этот совет не видел надобности в отдельном существовании Союза, в его отдельной организации.

Вместо того, чтобы опротесовать такой взгляд и такое поведение Совета на ближайшем конгрессе, Союз объявил себя распущенным, перестав существовать как особая Международная Ассоциация.

Тем не менее, бывшая женеvская секция Союза продолжала существовать и когда Главный

Совет Интернационала в своем письме от 20-го года заявил, что нет препятствий к превращению бывших секций "Международного Союза социалистической демократии" в секции Международного Товарищества, она стала секцией последнего. В письме от 29-го июля того же года Главный Совет известил эту организацию (104 члена), что единогласным постановлением Совета, она принята в Интернационал в качестве его секции. Эта секция приняла имя "Союза социалистической демократии" и, вместо не совсем удачного выражения в программе "Международного Союза" — "уравнения классов", — поставила слова "уничтожения классов".

"Основание в Женеве сначала группы, а затем секции Альянса, пишет М. Гольдсмит, с самого же начала с октября 1868-го года, то есть, тотчас же после знаменательного брюссельского конгресса Интернационала, самым существенным образом усилило позицию социалистов в борьбе с консервативными элементами, еще находившимися в секциях. Вместе с тем и выработка идей среди самих социалистов пошла быстро и интенсивно. Открывается самая блестящая эпоха жизни международного общества".

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНГРЕСС ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Четвертый — Базельский — конгресс Интернационала продолжался от 6-го до 12-го сентября 1868 года. На нем присутствовали 78 делегатов от 9-ти стран: — 26 французов, 5 бельгийцев, 12 германцев (в том числе 4 из Швейцарии и один из Парижа), 2 австрийца, 22 швейцарца, два делегата от Италии, 2 испанца, 1 американец и 6 членов Главного Совета (в том числе и англичане).

Был прочтен доклад Главного Совета, говоривший почти исключительно о стачках, о столкновениях рабочих с правительством, о побоях бастующих рабочих правительственными войсками.

Двое немецких членов съезда внесли предложение о том, чтобы конгресс обсудил вопрос о прямом "народном" законодательстве. Конгресс согласился заняться этим вопросом, если на это хватит времени, после обсуждения принятого порядка дня, но времени на это обсуждение не хватило. Впрочем, в то время, когда было вне-

сено это предложение, Гинс говорил: — "хотя посредством представительства или прямого законодательства придти к реорганизации современных правительств — созданий наших врагов-буржуа. Хотя войти в эти правительства и убеждением, числом, новыми законами установить новое государство. Товарищи, мы не пойдем этим путем... оставим лучше правительства разсыпаться гнилью и не будем подпирать их нашей нравственностью. Вот почему, Интернационал должен быть государством в государствах, пусть последние идут своим путем, пока наше государство не станет сильнее их государств. Тогда на их развалинах мы поставим наше вполне готовое, вполне законченное, такое, какое существует в каждой секции. Уйдя для того, чтобы я занял твое место — вот как будет решен вопрос".

Конгресс предложил секциям не иметь постоянных председателей, а выбирать таковых на каждое отдельное заседание.

Представитель английских рабочих союзов Эпльгарт заявил, что английские рабочие желают иметь в парламенте своих представителей рабочих и что он имеет поручение подготовить почву для сближения английских рабочих союзов с союзами континента.

По вопросу о земельной собственности 54 голосами против 4 (при 13 воздержавшихся) и 4 отсутствующих) было постановлено: — "Конгресс объявляет, что общество имеет право уничтожить индивидуальную собственность на землю и передать землю обществу". 53 голосами против 8 (при 10 воздержавшихся и 4 отсутствующих) конгресс объявил, "что в настоящее время необходимо передать землю в коллективную собственность".

Во время рассуждений о том, как будет обрабатываться земля, М. А. Бакунин заметил, что производство возможно только при объединении труда прошлых и настоящих поколений, что никогда не было труда, который можно было бы назвать индивидуальным трудом.

По вопросу о наследственном праве были предложены две резолюции: — одна комиссия конгресса, другая Главного Совета, придерживавшаяся взглядов Маркса. Эта резолюция высказывала ходячее в то время положение, что на-

следственное право является юридическим следствием современной экономической организации общества и что исчезновение наследственного права будет естественным результатом социальной перемены, уничтожившей индивидуальную собственность на средства производства. Эти рассуждения не помешали, впрочем, К. Марксу настаивать на ограничении права завещаний, на введении налога на наследство.

М. А. Бакунин, явившийся на конгресс по мандату лионских рабочих, заметил по этому поводу, что речь идет не о будущем, когда будет господствовать коллективная собственность, а о настоящем, что "неоспоримо, что все, что называется юридическим или политическим правом, было в истории ничем иным, как выражением или продуктом совершившегося факта. Но также неоспоримо, что, явившись следствием предшествующих фактов, право, в свою очередь делается причиной фактов последующих, само делается очень реальным, очень могущественным фактом и что его надо опрокинуть, если желают придти к порядку вещей, отличному от существующего".

За предложение комиссии было подано 32 голоса против 23 (при 13 воздержавшихся и 7 отсутствующих), а за предложение Главного Совета 19 против 37 (при 6 воздержавшихся и 13 отсутствующих). Ни та, ни другая резолюция не собрала достаточно голосов для того, что бы быть принятой, а резолюция Главного Совета была даже отвергнута большинством голосов. Конгресс высказался далее за то, что все рабочие должны деятельно устраивать рабочие союзы в различных отраслях промышленности, что организация Интернационала должна устраивать в каждой стране рабочие союзы из рабочих одной и той же профессии.

Конгресс пригласил Главный Совет служить, в случае надобности, посредником для объединения рабочих союзов разных стран.

Гинс говорил на конгрессе, что рабочие союзы будут существовать после уничтожения наемничества и что, при их посредстве, будет организовано производство. Каждая промышленность организует что то в роде отдельного государства, что навсегда помешает возвращению старого централизованного государства: ста-

рые политические системы будут замещены представительством труда. Нас упрекали, — говорил он, — что мы равнодушны к формам правительства: это верно только в том смысле, что мы ко всем им чувствуем отвращение. Мы думаем, что только на их развалинах может установиться общество, соответствующее принципам справедливости. "Когда придет момент, Интернационал покажет, что он вполне соглашается заниматься политикой, раздавив все буржуазные правительства без различия форм и оттенков".

Конгресс дал Главному Совету право допускать в Интернационал новые группы или отказывать им в приеме и исключать из Товарищества его секции до ближайшего только конгресса. Это постановление было громадной ошибкой конгресса и Главный Совет воспользовался им во вред единству Международного Товарищества Рабочих. Конгресс указал, что в Главном Совете должны сосредоточиваться сведения о положении рабочих в разных странах, что он должен знакомить с этим положением членов Товарищества.

Во время конгресса австрийский делегат Неймайер пригласил М. А. Бакунина употребить влияние, которым он располагает, для того, чтобы привлечь рабочих славян к участию в социальном движении.

Из речей, произнесенных на этом конгрессе, и из докладов разных секций Интернационала приведем следующие места: — 1) в докладе Бельгийского Совета значится, что бельгийские секции организовались, как хотели, что у них не было председателей, что их комитеты не имели другого назначения, кроме исполнения воли общего собрания.... комитеты не могли предпринять чего либо, не могли произвести распада, раз он не был вотирован общим собранием. "Докладом лионских рабочих была дана потрясающая картина ужасного положения рабочих. 3) в докладе Льежского совета, между прочим, значится: — "Свобода не существует без равенства".

"Пока буржуазия будет иметь в исключительном владении все что составляет силу и могущество, — правительственную власть, так же как и неконтрольную власть в мастерских, —

до тех пор пока она будет иметь монополию собственности на капитал и на орудия труда, — рабочий, каковы бы ни были дарованы ему мнимые права, никогда не будет иметь и тени свободы...“ 4) делегат барселонских рабочих обществ говорил: — “настойчивостью, союзом, солидарностью, при любых жизненных условиях, в каждом уголке света, каковы бы ни были национальности, мы будем иметь, уничтожив государство, мир и свободу, так как все люди должны образовать один союз и все народы — одну свободную федерацию вольных ассоциаций рабочих. Но это не все. Нужно экономическое равенство. Нужно, чтобы собственность стала коллективной и для этого надо уничтожить право наследования“. 5) В докладе секции Локль мы читаем: — “мы не верим, что конституционные формы действительно способны разрешить социальную проблему, мы не принадлежим также к числу тех немецких и швейцарских социалистов, которые выставляют прямое народное законодательство, как всемирную панацею. Враждебно относясь к государству и правительству, хотя бы их окрестили социалистическим государством и народным правительством, мы видим спасение только в анархии, к которой придем через революцию“. 6) Обри, от имени Руанского рабочего клуба для изучения экономических вопросов, настаивал на том, чтобы “поземельная собственность стала коллективной и управлялась федеративно организованными коммунами“.

Перед окончанием конгресса, парижские делегаты заявили: — “через год империя (французская) перестанет существовать и мы приглашаем Интернационал собрать следующий конгресс в Париж“.

Конгресс согласился и назначил открытие конгресса в Париже на первый понедельник сентября месяца 1870-го года. Этот понедельник приходился на 5-е число, а четвертого сентября была объявлена во Франции республика. Франко-немецкая война не позволила все таки конгрессу собраться, а позднее республика преследовала Интернационал свирепее, чем империя.

Во время конгресса суд чести рассмотрел дело о клеветах Вильгельма Либкнехта на М. А. Бакунина и признал, что В. Либкнехт поступил, клеветая на Бакунина с преступным лег-

комыслием.

ГЛАВНОЕ ТЕЧЕНИЕ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ.

Итак, на женевском конгрессе социалистические идеи не были высказаны. Доклад, написанный Марксом, не заключал в себе ничего социалистического, но уже на втором Лозанском конгрессе хотя и робко, но прозвучала социалистическая нота, громко уже зазвучавшая на брюссельском конгрессе и собравшая в одно целое чуть ли не всех делегатов на Базельском конгрессе.

В одном из своих писем к Обри, Варлен говорит, что на Базельском конгрессе почти единодушно был принят “коллективистический социализм или не авторитарный коммунизм“, т. е. анархический коммунизм“, как говорят в наше время.

Приблизительно к этому времени относится характеристика Международного Товарищества Рабочих, сделанная одним буржуазным писателем (автором брошюры “Политические заметки о современной Франции“). “Их философия, — писал он о членах Международного Товарищества Рабочих, — это — атеизм, материализм, отрицание всякой религии; их политическая программа резюмируется, как абсолютная индивидуальная свобода, являющаяся результатом уничтожения всякого правительства и как разделение наций по более или менее федерированным коммунам. Их политическая экономия состоит, главным образом, в том, что они лишат за вознаграждение капиталистов их владения и рабочие ассоциации будут заведывать деньгами, орудиями труда и землею, принадлежавшими капиталистам. Их историческая теория, это — та, что дворянство и буржуазия отжили свое время, что наступило время пролетариата. Они исключают из общества все, что находится вне рабочего класса“.

“В скором времени, — писал М. Нетлау, — Интернационал отказался принять мютовэллистические и властно-коммунистические теории и, оставив в стороне эти прудоновские и марксистские идеи, он старался выработать синтез между мютовэллизмом и коллективизмом, где коллективизм рассматривался бы, как основание системы обмена, гарантировавшей каждому по-

льный продукт его труда вне всякой власти, вне всякой централизации, вне всякого государства. Бакунин, де Пап и Верлен были главными представителями этой концепции, которую называли тогда "революционным коллективизмом" и которая известна теперь под именем анархического коллективизма (а ныне А. К.). Побужденные таким образом на теоретической почве, марксисты были побеждены еще и в организационном вопросе и, начиная с конгресса в С. Имье (сентябрь 1872-го года), Интернационал становится антивластной группировкой".

В. Зомбарт, который написал несколько слов о первом Интернационале, не имея понятия об этой организации, сделал грубую ошибку, заявив, что Международное Товарищество Рабочих, в период 1866—69-го года прониклось "незаметно для себя" марксистскими идеями. Ничего подобного не было.

МЕСТНЫЕ КОНГРЕССЫ И НАСТРОЕНИЕ ЧЛЕНОВ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

4—6 апреля 1870-го года пропелсхид конгресс Романской (Швейцария) федерации Интернационала. Небольшим большинством голосов конгресс принял в женеvскую секцию Международного Товарищества Рабочих "Союз Социалистической Демократии". Несогласное с таким постановлением меньшинство ушло с конгресса и открыло отдельные заседания.

С этого времени Романская федерация в Швейцарии распалась на две ветви: — секция коллективистов с комитетом в Шо де Фон (к ней принадлежало и большинство конгресса) и секция антиколлективистов с комитетом в Женеве (к ней принадлежало меньшинство конгресса).

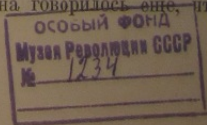
На этом конгрессе, до его распада на два, — приходится отметить поведение рантье Утина, эмигранта из России. Этот господин клеветал на М. А. Бакунина, приписывая ему желание установить личную диктатуру, говорил, что Бакунин подражает иезуитам, приписывал ему взгляды Нечаева, грозил, что народ гильотинирует Бакунина. Утин, — этот маленький человек, — нападавший на заслужившего общее уважение гиганта революции, обнаружил столько злобы и неразборчивости, что и через десятки лет служил образцом для купленных

агентов власти, нападавших на революционеров.

Из постановлений большинства конгресса, продолжавшего свои заседания, после ухода меньшинства, отметим следующие. Высказавшись за организацию рабочих союзов, конгресс заявил, что "кооперация, это — социальная форма, которую примет труд после освобождения рабочих, но конгресс не думает, что кооперация является средством для полного освобождения пролетариата, каковое освобождение может произойти только посредством международной социальной революции".

Говоря об отношении Международного Товарищества Рабочих к правительству, конгресс вынес следующую резолюцию: — "Принимая во внимание, что окончательное освобождение труда может произойти не иначе, как путем преобразования политического общества, основанного на привилегии и власти, в общество экономическое, основанное на свободе, что всякое правительство или политическое государство является ничем иным, как организацией буржуазной эксплуатации, формула которой называется юридическим правом; что всякое участие рабочего класса в буржуазной правительственной политике не может иметь других результатов, кроме укрепления существующего порядка вещей, чем было бы парализовано социалистическое революционное действие пролетариата, — Романский конгресс рекомендует всем секциям Международного Товарищества Рабочих отказаться от всякого действия, имеющего целью произвести социальное преобразование при посредстве национальных политических реформ и перенести всю свою деятельность на федеративную организацию рабочих союзов, что является единственным способом обеспечить успех социальной революции. Такая федерация явится истинным представительством труда, которое должно находиться безусловно вне политических правительств.

Что касается до постановлений меньшинства конгресса, т. е. до постановления конгресса антиколлективистов, то этот конгресс признал не обходимым вмешательство в политическую борьбу каждого члена Интернационала в отдельности, но не всего Интернационала, как корпорации; он признал и "рабочее представительство", но в те времена говорилось еще, что участие в

парламентской борьбе является только "средством агитации" и конгресс заявил об этом. "Мы не верим, что можем придти к нашему освобождению путем рабочего представительства в законодательных и исполнительных учреждениях... "мы хотим только воспользоваться этим представительством, как средством агитации..." говорились в постановлениях этого конгресса.

Федеральный Совет послал в Главный Совет письмо с описанием происшедшего на конгрессе разрыва, но — хотя это письмо и дошло по назначению — не получил на него ответа. Позднее, в памфлете "Союз социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих" Лафарг и Энгельс написали о распаде романской федерации не соответствующие истине строки.

Для характеристики настроения делегатов Интернационала приведем несколько отрывков из статей и писем того времени. Два бывших делегата Базельского конгресса Сентинон и Фатра Пелиса писали конгрессу Романской федерации: — ...мы счастливы, так как можем констатировать, что испанские рабочие все более и более убеждаются в невозможности чего либо ждать от своего участия в государственных делах, убеждаются в том, что все время и все усилия, посвященные тому, чтобы добиться этим путем улучшения своего положения, не только потрачены самым плачевным образом, но и прямо вредны, так как такие попытки через чур уж приспособлены к тому, чтобы сбить с толку наших товарищей по нищете, как это мы видим, к нашему великому сожалению, во Франции, Англии, Германии, и в немецкой Швейцарии".

В »Federation« — барселонском органе Интернационала — было напечатано: "считаем долгом послать свой братский привет большинству делегатов конгресса (в Шо де Фон), указавшему в своих резолюциях истинный путь, которым должно идти Международное Товарищество Рабочих, если оно хочет придти к полному освобождению всех пролетариев, к коллективизму, не вступая в союз с какой либо политической партией, созданной средними классами общества и констатировавшему еще раз, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих."

В письме к Варлену Сентинон, между прочим, пишет: — "мы, испанские рабочие, не хотим терпеть столетиями. Мы хотим, чтобы свобода осуществлялась возможно скорее... Нам не важно, кто будет королем Испании и каким будет этот король, или император, или президент республики, или даже дюжина этих президентов. Мы заранее знаем, что это будут те же собаки, но с разными ошейниками. Самое деспотическое правительство не может помешать нам сплотить наши ряды... создать солидный фундамент для будущего общества..."

В »La Solidarite« Гильом писал о том, что выбранные в законодатели рабочие перестанут быть верными социализму, что власть вскружит им головы, развратит сердца, что, заняв такое тишично-буржуазное положение, они откажутся от своих убеждений. История учит, что всегда так было. Он говорил, что, если бы рабочие могли составить большинство в швейцарском законодательном собрании, то это значило бы, что они настолько сильны и многочисленны, что им не будет надобности сохранять установленные буржуазией правительственные формы. "Уничтожьте это правительство, существование которого не имеет смысла в обществе равных, сделайте революцию". "Одни хотят, чтобы мы выбрали, — продолжает Гильом, — они хотят создать рабочее правительство, рабочее государство; при этой системе естественно надо, чтобы в будущем были государственные люди. Кто же будут эти государственные люди? Как раз те господа, которые так усердно рекомендуют нам идти втираться и которые, по просту, хотят занять места современных правителей. Другие говорят нам: нужно такое общество, где все будут равными с момента вступления в жизнь, где все должны будут работать своими руками и своей головой; где никто более не будет иметь права властвовать от чьего бы то ни было имени, где, следовательно, не будет более правительства, не будет более государства и государственных людей, где рабочие, свободно организовавшись, свободно устроив федерацию, будут сами управлять своими делами, не подчиняясь чьей либо опеке. Кто настоящие социалисты и кто честные люди?" спрашивает Гильом.

17—18 апреля в Антверпене собрался кон-

гресс голландских, бельгийских и фламандских организаций Интернационала. Постановления этого конгресса были одинаковыми с постановлениями большинства на конгрессе в Шо де Фон. "Мы также — писала давая отчет о конгрессе, издававшаяся в Брюсселе газета "Интернационал" — в течение долгого времени требовали всеобщего избирательного права; мы тогда ошибочно думали, что, благодаря такому праву, мы достигнем изменения политического и экономического положения общества. Мы отказываемся от этой ошибки, знаем, в настоящее время, что нам надо изменить экономическое положение, от которого получают выгоду ловкие люди и интриганы. Если же рабочие будут пытаться войти в законодательное собрание, то это значит, что они, волей неволей, покинут всякую мысль об истинном освобождении... Точно также, как философия и наука, для того, что бы бороться с религиозной идеей и уничтожить ее, не вошли в церковь, точно также и социализм для того, чтобы повалить наше политическое и экономическое здание, должен нанести ему удары извне, не находясь в нем. . . . Организовать вне правительства Представительство Труда — это значит окончательно разрушить политический формализм и бросить демократию на путь социальных реформ".

Это течение рабочей мысли, сразу проявившееся в нескольких странах, шло в разрез с настойчивой пропагандой Главного Совета.

8-го мая того же года была сделана попытка примирить две выше названные швейцарские организации, для чего был созван митинг в Веве. Примирения не состоялось, хотя митинг, на котором были члены той и другой организации, единогласно "признал, что для установления равенства между людьми каждый рабочий должен овладеть посредством коллективной собственности, орудиями труда" и советовал "работать не вступая в союз с какой либо политической партией, над созданием рабочих союзов во всех ремеслах и над созданием их федераций, не считаясь с границами и национальностью".

На этом митинге Ж. Гильом изложил программу Международного Товарищества Рабочих

следующим образом: — "Интернационал требует, что бы все люди, с момента их рождения, имели одинаковые средства для развития своих способностей; и далее, чтобы все они, в том возрасте, когда являются работниками, имели в своем распоряжении необходимые для них орудия труда. Для того, чтобы достигнуть такого результата, Интернационал пропагандирует в прессе и на митингах: он приглашает рабочих объединяться между собой, устраивать стачечные фонды, потом устраивать федерации своих союзов и касс и, когда такая организация охватит весь свет, Интернационал станет достаточно могучей силой для того, чтобы выполнить свою программу".

19-го июня, в Барселоне, состоялся конгресс испанских секций, вынесший такую же резолюцию об отношении Интернационала к правительству, как и конгресс коллективистов в Шо де Фон.

Главный Совет Интернационала предложил комитету в Шо де Фон называться каким либо местным именем, а за Женевским комитетом признал, так сказать, звание федерального комитета. Главный Совет заявил, между прочим, что большинство конгресса в Шо де Фон было номинальным. В ответ на предложение Главного Совета была дана блестящая отповедь в «La Solidarite».

Между прочим, едва ли не в первые была указана в это время разница между революционным (т. е., по числу организаций) и демократическим (по числу членов принадлежащих к организации), принципом голосования. Доказывая неудобство голосовать по числу членов организации, в «La Solidarite» писали: — "X является, как делегат от 800.000 американцев; XX — как делегат миллиона англичан; все другие делегаты вместе представляют собою только миллион пятьсот тысяч членов Интернационала; затем X и XX объявляют, что они вдвоем составляют реальное большинство и всем остальным, заранее побежденным делегатам остается только отправиться спать и оставить X и XX редактировать и вотирировать резолюции конгресса".

(Продолжение следует).

ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОС. ГУММАНИЗМА

Поль Жиль.

I

Всееобъемлющий и непреложный детерминизм бытия являет собой истину неоспоримую; однако же относительная свобода воли и вытекающая отсюда личная ответственность — не "иллюзия" и не "благочестивый предрассудок": это факты (*des faits*), реальность, столь же очевидная, как и универсальный детерминизм, и ни в какой мере ему не противоречащая.

Рассматриваемую таким образом — в принятой нами широкой и эластичной концепции — относительную свободу не следует отождествлять с абсолютной свободой индетерминистов, т. е. приверженцев учения о свободной воле.

Не следует, также смешивать ответственность, в смысле философском, с юридическим понятием вменяемости. Со времени антропологического конгресса 1889 г. в научной литературе неоднократно и вполне основательно указывалось на то, что смешение этих, по существу глубоко различных, понятий представляет теоретически и практически серьезную опасность.

II

Основная проблема, подлежащая разрешению, сводится, таким образом, к вопросу о фатализме, или — что то же самое — к вопросу о природе воли. Идеал, как некая психологическая проблема, выдвигается на первый план. В самом деле — быть может наша воля, наше личное хотение — не более, как иллюзия; быть может присущий нам органический идеал является продуктом чисто внешних причин, без всякого участия со стороны того автономного, личного начала, того внутреннего, субъективного детерминизма, который не может быть в любой момент и при всяких условиях объяснен влияниями внешней среды? Автономное, личное начало в свою очередь детерминировано, скажут наши противники: — без сомнения, но как детерминировано — *извне или изнутри?* В этом то и заключается суть вопроса.

III

Энергетическая концепция мира, к которой все более и более тяготеет современная наука, позволяет утверждать, что в ряду различных

факторов, детерминирующих тот или иной акт, видное место занимает индивидуальная энергия, как некая частица, некое персональное воплощение предвечной энергии мира, тем более заслуживает полного признания, что именно ею созданы прогресс и величие человечества, на нее возлагаем мы наши лучшие надежды.

IV

Высшие ценности жизни зиждятся, в действительности, на нравственной широте и силе духа, последние же представляет собой не что иное, как высшую форму индивидуальной энергии, дисциплинированной, руководимой, укрепляемой и восполняемой разумом.

Тщетно метафизическая социология пытается отмежевать социальное начало от психологического, усматривая здесь, схоластически, явления "разного порядка". Как очень хорошо сказал Леба, "поскольку социальные факты выражаются в известной мере действовать и мыслить, заключительный анализ их может быть формулирован в терминах научной психологии".

V

Итак воля, идеал, движущая идея играют, вопреки Марксу и убежденным фаталистам, весьма существенную роль как в социальной, так и в личной жизни. Физиологически роль эта вытекает из энергетической природы вещей. Всякое живое существо представляет собой очаг непрерывно излучающейся энергии и деятельности. Идеал же есть психическое выражение этой мощной способности самовыявления, которая является прирожденным достоинством каждого индивида.

VI

Только разумная и жизненная идея может быть подлинно движущей силой. Идеал плодотворен лишь постольку, поскольку он заключает в себе истину. Активная воля должна действовать под постоянным контролем разума, вначале интуитивного, затем — логического, или рассудка.

VII

Именно в человеке разум, по общему признанию, достигает наивысшего развития и стано-

вится истинным властелином жизни.

Подлинная мораль человечества воплощается в принципах права. Мораль же есть создание разума, — теологическая, метафизическая либо научная дисциплина, вытекающая логически из принятой нашим разумом концепции вселенной и жизни.

VIII

(Таким образом), человеческое общество проникнуто духом права, и только действуя правовым путем можно достигнуть его органического преобразования. Ибо нравственная дисциплина находит свое продолжение и развитие в технической дисциплине правовых норм.

IX

В таком виде представляется дисциплина права тем, кто стоит за торжество правового принципа.

X

Это возвеличение права, этот расцвет обновленной, подлинно-человеческой жизни требует, прежде всего, решительного отречения от абсолютизма, развенчания денег и государства, раскрепощения социальной природы человека, освобожденной от авторитарных иллюзий, от софистических запретов и стеснений, подавляющих, парализующих, искажающих ее разумное естество.

XI

В это великое общее дело — дело коренного, глубокого преобразования и гуманизации жизни — каждый должен внести свою лепту, как бы скромна она ни была.

От этого высокого долга не уклонится тот, в ком живет сознание человеческого достоинства, кто, не отличаясь высокомерием, несет в себе сильный и гордый дух.

МГНОВЕНИЯ ВЕЧНОСТИ.

ДИАЛОГИ.

Часть первая.

Дух. — Какое безмолвие царит в этом мире! Здесь нет, вероятно, ни одного существа, которое могло бы созерцать величественную и холодную красоту этого пустынного мира. Не знаю, как долго я нахожусь в этом странном, загадочном мире, ибо здесь все так молчаливо и неподвижно, что я уже забываю о времени, хотя и знаю, что во многих мирах и вселенных пространства и время являются вечными источниками жизни. Но в этом новом и непонятном для меня мире нет, вероятно, времени, как нет здесь ничего и живущего. Этот мир кажется мне каким-то таинственным и непостижимым. Я чувствую здесь какое-то дыхание жизни, но я не знаю еще ни ее формы, ни сущности, ни проявления. Быть может этот новый для меня мир является таким же живым и одухотворенным существом, какими являются и многие другие известные и неизвестные мне существа. Суровое равнодушное этой бесплодной, одинокой жизни напоминает мне прекрасную в своей скорби и молчаливую мать, которая никогда не имела и не имеет

детей. Я для нея — чужой. Она не услышит голоса сына Земли, как не услышит его здесь и ни одно существо.

Страж. — Здесь нет безответных призывов. Я слышал, сын Земли, твой голос, но я не мог придти к тебе раньше, ибо в этом мире приходят только к зовущим. Поэтому, быть может, этот мир и казался тебе таким пустынным и необитаемым. Неужели еще и сейчас этот мир кажется тебе забытым Храмом, в котором не совершается больше священнослужения, ибо он пуст: в нем вечно пребывает Святиня, но нет в нем ни молящихся, ни священнослужителей. Я знаю, почему непонятна тебе божественная красота и гармония этого светлого и радостного мира: ты здесь дитя еще. В своей земной последней смерти ты родился для новой жизни и нового мира, но в этом рождении тебе не дано было его принятие и познание.

Дух. — Скажи мне, неведомый, кто ты и почему ты говоришь мне, что в этом мире к зовущим приходят? Какой горькой насмешкой звучали бы твои слова на земле?

Страж. — Не должно тебе спрашивать, кто я и откуда пришел, ибо я то же что и ты; я только старше тебя и стою на страже у граней этого мира. Когда же ты говоришь мне, что мои слова показались на земле горькой насмешкой, ты говоришь мне о том, что там совершается грех и заблуждение. И многое простится тому, кто видит эти грехи и заблуждения. Сознание их послужило, быть может, новой ступенью в моем восхождении к высшему совершенству. Разве ты не видишь, что ты находишься в мире ином, более светлом и совершенном, где нет уже тех преступлений земли, при воспоминании которых тебя охватывает какой то непреодолимый ужас.

Дух. — Я вижу, что этот мир прекрасен и совершенен, но все же я чувствую, что красота его мертва и неподвижна. От нея веет каким то ледяным дыханием вечного безразличия. В туманных очертаниях я вижу здесь перед собою живое лицо смерти, ибо нет в этом мире живительных источников радости, счастья и упоения, в котором могло бы исцелить свои раны всякое существо, утомленное своим безконечным тернистым путем. Красота этого мира — это застывшая форма, в которой нет уже никакого тепла. Я вижу здесь величаво-торжественное сияние, но, вместе с тем, я чувствую, что этот свет так же холоден, как холодно лунное сияние на земле, как холодны алмазы белых снегов, лежащих на вершинах заоблачных гор и никогда не тающих. Все земное оставил я в мире земном, но не оставило меня мое одиночество. Оно со мной и здесь. Оно следует всюду за мной. Нет ничего сильнее и могущественнее этого понятия, ибо во всех веках и вселенных оно господствует, как вечная и неизменная сущность. Но знаю я, что безконечен путь духа. Быть может, где нибудь я найду и то место, где загорится, наконец, потухшая звезда моего существования. Красота этого мира еще не коснулась меня и я уйду отсюда дальше, ибо и этот мир кажется мне таким же пустынным, как и земля.

Страж. — Ты не можешь этого сделать.

Дух. — Разве и здесь я не могу идти туда, куда зовет меня неведомый голос? Разве я не имею права здесь осуществлять свои желания? Разве у меня отнята даже и та ограниче-

нная свобода, которую имел я некогда на земле, и предо мной лежит уже единственный путь, путь примирения и необходимости, путь предначертанный рукою какой то таинственной и непостижимой Силы?

Страж. — Свобода твоего духа — это величайшая святость, к которой никто не может прикоснуться. Она настолько нежна и чувствительна, что всякое прикосновение к ней не только обесценивает существование духа, но и делает это существование чем то ужасным и бессмысленным. Но ты не можешь уйти отсюда потому, что ты еще не достаточно совершенен для того мира, что лежит за пределами настоящего.

Дух. — Ты только что говорил мне, что я равен тебе и в то же время называешь меня несовершенным. Разве я равен тебе, если я слеп в этом мире, если я слаб и беспомощен, если я не достиг еще должного совершенства? Разве ты не совершеннее и не могущественнее меня, если ты говоришь мне о том, что я не совершенен и что я не могу делать того, что говорит мне мое мыслящее и разумное Я? Неужели ты назовешь это равенством?

Страж. — Да, я совершеннее и могущественнее тебя, но разве я не стоял некогда на той же ступени совершенства, на которой находишься ты? И разве ты, в своем бесконечном совершенстве, в своем восхождении к вечному Храму, не превзойдешь совершенство тех духов, которые обитают ныне в нашем мире, освобожденном от всяких грехов и преступлений? Когда я говорю о равенстве, я не говорю о равенстве достижений, но говорю о равенстве возможностей.

Дух. — Я понимаю твои прекрасные слова. Я знаю, что всякий объект наших желаний к нам не приходит извне. Его нужно достигнуть своими же собственными усилиями. Когда же ты говоришь мне о несовершенстве, ты, очевидно, не думаешь о том, как много в нем скрыто страданий. И разве несовершенное существо можно упрекать в его грехах, в его несовершенстве? Разве в своих грехах виновен тот, кто совершает их, а не та изначальная космическая сила, которая создает всякое существо страдающим и несовершенным? Скажи мне, всезнающий дух, разве творец имеет право на свое

творчество, если его творчество, если его творения не достаточно закончены, прекрасны и совершенны? Разве ты не знаешь, как велико и как бесконечно страдание тех живых и разумных существ, в образе которых нет ничего, кроме кошмара и безобразия, ужасов и отчаяния? Когда я был на земле, она была населена прокаженными, идиотами, живыми разлагающимися телами, распространяющими отраву и злобные... И все они родились некогда такими. И разве не величайшее преступление совершил тот, кто создал когда то этих людей, вся жизнь которых является, поистине, каким то безумием? Разве они, в своих слезах и страданиях, не проклинают день своего рождения? Разве они не презирают свое собственное существование? Разве та творческая сила, которая способна оживить камень, не совершает того же преступления, когда одним она дает слишком многое, а другим не дает ничего? Разве справедливо поступает природа, когда в одних она воплощает все свое очарование и всю свою божественную красоту, а других превращает в какие то злобные безформенные образы, внушающие словно какие то адские чудовища, чувства боязни и отвращения?

Страж. — Неужели ты думаешь, сын Земли, что страдание так же реально и объективно, как реальны и объективны многие другие образы и понятия? Неужели ты, когда еще был на земле, не замечал того, как просто и легко уходят от жизни те люди, вся жизнь которых была похожа на самое законченное и совершенное произведение искусства, жизнь, являющаяся неиссякаемым источником вечно цветущего счастья, неувядаемой радости и веселья? И разве ты, наряду с этим, не видел, как дорожат жизнью эти отверженные и презираемые существа, о которых ты говоришь мне? В своей трагической боязни смерти они готовы жить какой угодно жизнью; эта же бессмысленная привязанность к жизни и делает их рабами грехов и преступлений; она примиряет их со всякой действительностью, которая так жестоко и беспощадно угнетает их. Но и в самом страдании есть нечто возвышенное и благородное, что очищает душу, что исцеляет те раны, к которым не может прикоснуться ни рука радости, ни рука счастья, не вызвав в них еще более острой и мучительной

боли.

Дух. — Все это мне понятно. Я знаю такие, что и во всяком преступлении, во всяких грехах человеческих есть наказание и искупление, ибо ни один грех, ни одно преступление не совершаются в жизни без страдания. Все же мне кажется, что можно найти некоторую объективную оценку всяким понятиям и существам. Никто, ведь, не может сказать, что всякие физические страдания приносят человеку счастье и удовольствие. Эти страдания, не говоря, конечно, о страданиях душевных, являются вечным и объективным злом, ибо они приходят к человеку извне, а не вытекают из его душевных эмоций. И когда ты говоришь мне, как просто и легко уходят от жизни самые законченные и совершенные люди, то мне кажется, что только они и могут быть свободными во всех своих поступках и что никто не может быть ответственным за их добровольный уход от земного существования. Всякое самоубийство является, конечно, следствием страдания, но всякое страдание может быть **даваемым и приобретаемым**. Эти же начала — даваемое и приобретаемое лежат и в основе всякого существования. Так и ребенку при рождении дается маленькое тело со всеми способностями к его дальнейшему духовному и физическому развитию, благодаря которым он развивается сам и многое приобретает. Если страдания вытекают из начала приобретенного, — никто не может быть ответственным за них и за всякие результаты этих страданий. Но если же эти страдания даются человеку другими, если они приходят к человеку, словно какая неизбежная и неумолимая неотвратимость судьбы, то вечная ответственность за эти страдания лежит уже на том, кто приносит эти страдания человеку. Это относится также и к несовершенству.

Страж. — Но думал ли ты когданибудь о том, что не случайность царит в потоке становления всех космосов, но вечные законы и предопределение, и что каждое существо ответственно за весь космический процесс? Из этих же непреложных и неизменных законов вытекают, быть может, и законы страдания и несовершенства. Быть может, один из этих законов и говорит нам о том, что ни один творец не знает, насколько законченным и совершенным

будет его произведение, и что всякое творчество вытекает не из желания, а из понятия должного, ибо в основе всякого Бытия лежит безпредельное творчество. Быть может, точно также, всякое существо должно искупить тот наследственный грех, который возлагается на него при его рождении.

Дух. — Я знаю, неведомый, что и человек создан не для труда, но для творчества. Но если бы в космических процессах существовали те законы, о которых говоришь ты, то все миры и вселенные были бы лишены своего смысла и оправдания. Всякий процесс мироздания был бы случайным и неразумным. Когда же ты говоришь мне, что всякое существо должно искупить тот наследственный грех, который возлагается на него при рождении, то это мне кажется чем то ужасным. Неужели и я должен нести наказание за те грехи и преступления, которых не совершал никогда? И неужели за те грехи и преступления, что совершал некогда я, будет ответственен кто то другой? Только добровольно я мог бы принять на себя, если бы только был в силах, грехи даже целого мира, но если в этом принятии есть нечто безусловно должное, то разве есть в этих мировых процессах даже самое ограниченное понятие свободы выбора и свободы существования? Если бы это было так, то мне осталось бы только оплакивать умершую справедливость и проклинать ту злоую и жестокую Силу, которая управляет вселенной.

Страж. — А если страдание человека является искуплением тех грехов, которые он совершил некогда в своих предыдущих существованиях?

Дух. — Разве можно осуждать того, кто не знает своих преступлений. Это было бы тем же, чем является и осуждение невинного. Я должен знать свой грех и свои преступления, и только тогда, без всякого протеста, я понесу должное наказание.

Часть вторая.

Дух. — Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, когда я видел тебя, впервые пришедшего ко мне в этом мире. Мне кажется, что я не видел тебя, всезнающий дух, много и много веков. Хотя один раз хотелось мне поговорить с

тобой. Безумно и страстно хочется мне найти во тьме моего существования хотя один луч света, хочется проникнуть хотя бы на одно мгновение в те вечно непостижимые тайны, что именуются Истиной и Справедливостью.

Страж. — Если бы ты исходил даже все пути, какие только могут быть перед тобою, все же ты не найдешь того, чего ты ищешь, ибо Истина и Справедливость живут в самом тебе, в глубине твоего духа. Неужели ты все еще не доволен той жизнью, которая окружает тебя в этом мире, полном неувядающей красоты, радости и благоухания? Неужели твоя безграничная скорбь еще угнетает тебя своею неминуемой тяжестью, неужели она еще не оказалась преодоленной? Неужели и здесь не успели зажить твои земные раны?

Дух. — О, неведомый дух! Мне очень часто кажется, что всякое родившееся в мире страдание так же бесконечно, как бесконечны миры и вселенные. Оно неизмеримее всякого пространства и глубже всякой глубины. Неугасаемый огонь его бывает только не в одинаковой степени палящим и мучительным. Я знаю, конечно, что в этом мире меньше страданий и скорби, но я не думаю, что дыхание этих понятий никогда не касается этого мира, ибо если где нибудь можно найти хотя одно страдающее существо, то нельзя тот мир назвать прекрасным, радостным и совершенным. Я вижу, что и в этом мире, как и в тех низших мирах, где был когда то и я, господствует, Сила и Предопределение. Одна же мертвая и холодная красота не может сделать его законченным и совершенным.

Страж. — Неужели ты думаешь, что на земле так много страданий и печали, что всякое существование человека кажется напрасной и бессмысленной жертвой?

Дух. — Я знаю, дух, что на земле много страданий и зла. И так велики ее злодеяния, что мне начинает казаться, что она отдана во власть Сатане. Всякое земное существование является вечным сгоранием на жертвеннике скорби и страдания. И даже самый путь к этому жертвеннику украшен не цветами и драгоценными тканями, но слезами и кровью. Земная жизнь — это тяжелый крестный путь, который не всякий человек способен пройти до конца, ибо очень

часто я слышал там стоны отчаяния; встречал я там много истерзанных и опустошенных душ, которые не могли уже больше страдать.

Страж. — Я знаю, что слишком много страданий приносит жизнь каждому существу. Но разве эта жизнь имела бы какую-нибудь ценность, если бы она приносила только наслаждения, счастье и радость? Разве не дорогой ценой покупается всякая жизнь и всякое существование? Но я знаю также, что самое величайшее страдание и горе приносит нам не жизнь, но приносят их сами себе все мыслящие и живущие существа. Так и в душе человека можно найти не только Царствие Божие, но и ужасы Ада. Понятия также мне и все твои страдания. Они вытекают из твоих вечных сомнений, из твоего неверия, из вечно-холодного мрака твоей тоскующей одинокой души, ибо нет еще в ней того божественного начала, которое является обновлением вечной возможности жизни. В твоей померкнувшей и суровой душе нет ни одной искры того небесного огня, который мог бы согреть и утешить тебя в минуты страданий и скорби; в ней нет того великого космического начала, которое принесли некогда на землю духи Любви. Поэтому, быть может, и кажутся тебе такими чужими и далекими все духи, обители и вселенные. Холодный ужас охватывает все мое существо, когда я встречаю дух, в котором нет ни веры, ни любви, ни жалости, ни сострадания. Его безутешная скорбь и страдание приводят его к тому последнему отчаянию, которое поглощает, словно какая-то бездна, всякую отраду, надежду и желания. Может ли после этого жизнь казаться ему прекрасной, разумной и необходимой? И может ли этот дух любить ее так, как любим ее мы, духи более сильные и мудрые.

Дух. — Понятия, о которых говоришь ты, неведомы людям. Быть может, в других мирах они понятны и реальны, если только и там они не являются Великими Мечтами. На земле же все эти понятия являются только пустыми словами, лишенными всякого смысла и содержания, ибо все эти великие и возвышенные понятия являются там Вечной Ложью, которой люди вечно обманывают друг друга.

Страж. — Но разве ты не знаешь, что говорили некогда людям Духи Любви: любовь си-

льнее смерти.

Дух. — Я знаю эти слова, но я знаю также и нечто другое, перед чем бледнеют всякие слова о любви. В этом суетном мире я знаю роскошь, богатство и славу. Я знаю, какая прелесть скрыта на тех лживых и ядовитых устах, которые произносят имя Любви. Она не вытекает из наших душевных эмоций и не является той самодовлеющей космической силой, если она находится во власти материального мира. Не постоянные начала положены в основу этих понятий, но вечная игра и случайность, не свободная воля, преодолевающая всякую привязанность к материальному миру, но вечное подчинение этим преходящим благам земным... Только вечная победа любви над всеми суетными желаниями могла бы быть ее апофеозом. Когда я был на земле, я встречал на своем долгом пути много законченных и совершенных жизней; встречал тех людей, которых поцеловала однажды мечта неземного мира, но и среди них я не мог найти ни одного человека, в душе которого могла бы теплиться хотя одна лишь искра этого божественного огня. Сердца этих людей были полны стремлений к личным удовольствиям, полны обмана, коварства и зла. Они способны отдать все свои лучшие чувства за грубые удовольствия, они способны потерять лучшего друга ради богатства и славы.

Страж. — Значит нет у людей даже любви человеческой, являющейся слабым мерцающим отблеском любви иной и непонятной людям? Нет значит и подруги вечной, которая, преодолевая пространство и время, приходит только к тому, кто достоин ее светлой немеркнувшей любви?

Дух. — Не свободный выбор подруги дан на земле человеку, но неизменная игра судьбы и предопределение. На земле нет этого выбора.

Страж. — Если нет у людей этой святости — любви, то у них есть жалость и сострадание, из которых вытекают чувства самопожертвования. Разве ты не назовешь эти чувства началом любви божественной и человеческой?

Дух. — Как мало значит одно сострадание! Это — то, что ничего не стоит и ничему не обязывает. Разве сострадание и жалость имеют какую-нибудь цену, если за ними нет даже самых простых благородных поступков? Одно со-

знание этого сострадания делает бремя жизни еще более тяжелым и невыносимым, ибо это сознание является сознанием своего собственного ничтожества и безсилia.

Страж. — Но в чем же ты можешь найти тогда красоту жизни и смысл Бытия?

Дух. — Красоту жизни и смысл Бытия можно найти только в преодолении мира и безграничной свободе, в неутомимом стремлении своего духа к последнему освобождению и вечному Чертогу, в котором обитала некогда моя изначальная сущность. По этому пути пойду и я, увенчанный тайнами и молчанием, не прося ни у кого ни милости, ни жертвы, не ожидая ни откуда любви и сострадания, ибо они мне больше не нужны.

Номо.

О Т А В Т О Р А .

Эти диалоги были написаны мною в особых условиях — в русской действительности, которая и до сих пор непонятна, очевидно, западно-европейскому и американскому культурному человеку. Так и на этих страницах лежит глубокий отпечаток этих особых условий, ибо многие образы, понятия и идеи мне пришлось перенести в метафизическую плоскость, не смотря на то, что затронутые мною вопросы являются не только философскими вопросами, но и вопросами социальными. А всякое открытое обсуждение этих вопросов — в России совсем невозможно. О них возможно только думать, пока еще не настало то время, когда люди будут говорить здесь о смелости мысли, как о чем то феноменальном и исключительном.

НА ДОЛГО ЛИ?

Саша—Петр.

На фоне современной действительности, когда капиталистический мир бьется в непримиримых противоречиях и вся социальная атмосфера насыщена тяжелыми волнами электрических зарядов, — маленькая Болгария настойчиво врывается в наше сознание и заставляет нас уделить ей самое серьезное внимание. Каждый день нам приносит оттуда все новые и новые факты, бросающие яркий свет на разыгравшиеся там события — и мы не можем и не должны пройти мимо них, как мимо обычного общественного явления. Ибо здесь мы имеем налицо все признаки, характеризующие собой попытку широкой революции, притом революции, где проявление анархической мысли занимало не последнее место.

Чтобы не показаться голословным, я обратнусь к оценке этих событий самими коммунистами, не страдающими, как известно, излишней скромностью в смысле саморекламы и самовосхваления. В статье, помещенной в коммунистической французской газете "L'Humanite" от 19 октября и подписанной неким Betlow-ым, видно, что в то время как Ц. К. болгарской Ком. Партии назначил восстание на 22 сентяб-

ря, сама масса в целом ряде городов и сел уже самостоятельно взялась за оружие и тем определила восстание *de facto*. И что еще характернее — когда восстание уже было в полном разгаре, Ц. К. партии все еще вел переговоры с правительством Цанкова на предмет улаживания конфликта! В другой статье — секретарь Коминтерна и член Ц. К. болгарской Ком. Партии, Коларев — говорит то же самое: т. е., что возмущение вспыхнуло в низах трудовых элементов города и в особенности, деревни; что уже с самого начала можно было предвидеть неудачу, — но коммунисты вынуждены были санкционировать восстание и принять в нем участие только потому, чтобы не оставить массы без руководства.

А вот как эти события описывает в статье, помещенной во французской анархической газете "Le Libertaire", болгарский анархист, тов. Г. Ж.:

"Это восстание — говорит он, — имеет огромное значение для будущей болгарской революции. Это был первый этап, который пережили рабочие в борьбе с властью, мощная попытка выступить против государства и его сил в

широком массовом масштабе.

"В некоторых местах, занятых повстанцами, коммунисты хотели провозгласить республику советов, но без всякого успеха. Анархическая идея пустила слишком глубокие корни в душу болгарского народа и он питает очень мало доверия ко всякого рода правительствам, не исключая и коммунистического."

Итак, мы видим, что возстание было стихийное, низовое, вызванное все усиливающимся гнетом и непрекращающимися репрессиями власти. Коммунисты же, по обыкновению, думали использовать этот гнев народа для утверждения своей диктатуры, причем небезынтересно заметить, что один факт ведения переговоров с правительством рисует этих "революционеров" с довольно таки непривлекательной стороны; но мы кроме того, обладаем неопровержимыми данными, что в юго-западной Болгарии коммунистические главарь совершили прямое предательство, предупредив заблаговременно властей о готовящемся возстании.

Какова же была в эти дни роль болгарских анархистов? Цитируемый мною выше товарищ Г. Ж. замечает по этому поводу очень скромно и с большой осторожностью:

"Роль наших товарищей в этом возстании значительна — и, вместе с тем, она знаменует собой новый период в истории анархического движения в Болгарии".

Однако факты говорят больше этого: они говорят, что именно в тех местностях, где наибольшим влиянием и популярностью пользовались анархисты, как например в Старой и Новой Загоре, Казанлике, Горной Джумайе, Бобошебе и целом ряде других городов и деревень, — там возстания вспыхнули с самого начала и протекали с наибольшей напряженностью и силой. Достаточно хотя бы указать на следующие факты, чтобы мы увидели, насколько была могуча интенсивность наших товарищей и проявленная ими в это время воля к борьбе.

В Софии группой анархистов было выпущено воззвание, в котором рабочие призываются вооружиться во имя социальной революции и анархизма и бороться со всякой властью, каким бы именем она ни называлась. При распространении листовок, двое товарищей Любо и Дмитров бы-

ли задержаны полицией и буквально изрублены на части палками.

В Старой Загоре арестованные в массовом масштабе анархисты и коммунисты были освобождены вооруженным налетом оставшимися на воле анархистами. Во время боя пало много жертв, как со стороны охраны, так и нападавших. В числе последних пал один из лучших товарищей Григорий Зафиров.

Село Бобошево было в течение двух дней в руках анархистов. Под давлением правительственных сил и вооруженных отрядов македонцев, они вынуждены были отступить — и совместно с анархистами города Горной Джумайи образовали "чету" (отряд) в сто пятьдесят человек и ушли в горы, нападая временами на правительственные войска. В одной из таких стычек с македонцами со стороны наших товарищей пало 10 человек — македонцы же потеряли 80.

И таких фактов можно привести десятки.

Но власть восторжествовала и на этот раз. Возмущение народа было затоплено в его крови. По примеру некогда действовавшей турецкой власти, власть тенерешия, пользуясь услугами македонских отрядов, вырезывала целые селения с стариками, женщинами и даже детьми. В одном только городе Лом было убито 2 тысячи человек. Людей массами сажали на барки, убивали и бросали в Дунай. Некоторые деревни, как например, село Лопушино, снесены совершенно артиллерийским огнем.

Немало жертв понесли и анархисты. Кроме вышеупомянутых т. т. Любо, Дмитрова и Зафирова, — в Бобошеве убито 8 человек — учеников в возрасте от 17 до 18 лет.

В Горной Джумайе убито 20 человек.

В Старой Загоре убиты двое.

В Татар-Пазарджике погибло 7 человек.

В Фердинандове одному анархисту выкололи глаза, отрезали нос, уши, требуя, чтобы он выдал товарищей. Наконец, он был убит не назвав никого.

И каждый день нам приносит все новые и новые имена павших анархистов. Аресты происходят по всей стране. В Софии, например, арестованы т. т. Христу Зайцев, Василь Михайлов, Кетов, Керенский и много других. Всех избивают и мучают, требуя выдачи товарищей.

Власть торжествует... Но надолго ли торжество это? Сломлен ли гордый дух бойцов за свободу? Как ответ на это, я не могу удержаться, чтобы не уместить здесь небольшой отрывок из письма нашего товарища — болгарской анархистки.

Вот что она пишет:

"Как видишь я имею счастье писать тебе. Писать из страны Вечных Бунтовщиков и вечно жаждущих солнца Детей Востока. И потому я могу писать только красивое. Могу писать о Солнце, могучем Солнце Востока, которое кроет в себе дивные пожары. О воле птиц, о стихии моря и гордых душах детей Балкан.

"И с верой в то — могу писать я, что новый, еще более мощный подъем волеет в наши вены жизненный элексир.

"Ведь Восток порождает Свет! Свет, кото-

рый залетит весь мир и победит гнетущий мрак, давящий людей.

"Снова вера в жизнь победит отвращение к ней — и новая борьба ждет нас после поражения".

Да, в великой книге борьбы за анархию, огненными буквами вписали свое имя болгарские анархисты и как некогда Матрена Присяжик бросила в лицо своим судьям —

"Наша смерть — победа наша" —

так болгарские товарищи могут не только сказать, что "новая борьба ждет нас после поражения", но и гордо бросить торжествующим палачам:

"Наше поражение — символ нашей грядущей победы!"

22—XI—1923.

О НАШИХ РАЗНОГЛАСИЯХ.

(ПИСЬМА ИЗ МОСКВЫ.)

В. Худолей.

I

Если вас ктонибудь будет уверять, что где-нибудь на земном шаре образовалась группа, которая протестует против разделения людей на два пола — мужчин и женщин, — не спорьте с ним, а попросите скорей показать ее декларацию: в наши дни, оказывается, все возможно. Недавно в Америке появилась группа анархистов (впрочем корни ее нужно искать в России), которая недовольна тем, что анархизм, в процессе своего развития, разделился на самостоятельные ветви. Она хочет, одрав по лоскутку каждой веточки, прибавить к существующим фракциям — новую, — лоскутную, наивно воображая, что преодолевает таким образом фракционные различия.

До сих пор мы знали несколько фракций анархизма: 1) несколько оттенков индивидуалистического анархизма, 2) коммунистический анархизм, 3) анархо-синдикализм, прославившийся в последние годы столькими ренегатствами (отступничествами) своих приверженцев, 4) ассоциационный анархизм, 5) христианский анар-

хизм и в последнее время 6) буддийский анархизм и некоторые другие направления. Последние два течения еще достаточно беспомощны теоретически и практически, чтобы о них стоило распространяться. Первые три — достаточно обособлены, чтобы то общее, что у них имеется было совершенно безжизненным понятием, ибо общего у них нет ничего кроме отрицания власти.

Мы уже однажды на страницах "Вольной Жизни" в статье "Лоскутное одеяло" разбирали лоскутки, из которых составлена убогая теория "лоскутного", то бишь "единого", анархизма и повторяться не будем. Исправляя ошибку, допущенную нами в вышеупомянутой статье, отметим, что несмотря на громкую рекламу единства и синтеза, в лоскутном анархизме по существу нет элементов коммунистического анархизма. Это не "триединый анархизм", а только два лоскутка, сшитых белыми нитками: индивидуализм и синдикализм. О вольной коммуне только один разговор, ибо синдикализм путь не к анархизму, а к диктатуре.

Идея развития личности, учение о "живой, творящей индивидуальности", "отвоевывающей у общества" свои права (так говорится в "Декларации Набата") — идея чисто-индивидуалистическая, враждебная коммунистическому анархизму. Ведь Бакунин и Кропоткин учат о том, что развитие общества, форм взаимопомощи, создает свободную и развитую личность, а не наоборот, ибо господствующие классы в буржуазном обществе могут развивать свою личность. Личность не отвоевывает свои права у общества, а, наоборот, в обществе только и благодаря обществу имеет свои права. Человек вне общества — скотина — говорит Бакунин. Общество делает его человеком. Человек родившийся среди рабов — будет рабом, а общество, перешедшее от рабства к свободе, делает и людей свободными и развитыми. Поэтому не человек "отвоевывает" у общества какие то права, а общество изменяет свои формы: общество, делившееся на господ и рабов, может стать свободным обществом. Удовлетворение потребностей обездоленного класса, борьба за "довольство для всех", за равное насыщение потребностей всех членов общества — вот цель анархического движения, а вовсе не буржуазный индивидуализм.

П. Кропоткин всегда резко возражал против индивидуализма, противопоставляя ему индивидуацию, как следствие развития общества и возражая против противопоставления личности обществу. Личность — продукт общественности, а не источник ее.

Далее, прямым следствием индивидуалистического противопоставления личности и общества является вера в "творческую индивидуальность", которой Кропоткин и все анархисты-коммунисты противопоставляют учение о массовом творчестве. Тот, кто говорит о "творческой индивидуальности, тот при этом должен иметь в виду "косное общество", "бессмысленную толпу", "стадо", как противоположность ее, хотя, конечно, не высказывает этого, обращаясь к толпе. "Творцом" в таком смысле является Наполеон, Петр Первый, Бисмарк и прочие великие и малые цари, полководцы и законодатели, ибо только они творят вопреки обществу, "отвоевывая у него права". Кропоткин же говорит, что все учреждения взаимопомощи, весь прогресс культуры был до-

стигнут только благодаря "безымянному творчеству масс, толпы". Герои же кичливые и наглые, ничего не создали. Они только иногда эксплоатировали то, что создано толпой. Индивидуализм — всегда стремление к привилегии, а общественность — равенство. И анархизм, общественные начала обездоленных классов противопоставляет индивидуализму (скрытому или явному) привилегированных классов. Анархизм — это свободное творчество масс, коллективное творчество, — таково определение анархизма даваемое П. Кропоткиным в книге "Современная наука и анархия". Итак, индивидуализм и коммунистический анархизм — непримиримые противоположности, настолько непримиримые, что индивидуалисты — Тэккер и Маккей — с одной стороны, и а.—к. Кропоткин, Грав и Мост — с другой, признают друг друга врагами.

Анархическая коммуна — условие развития личности, говорят сторонники единого анархизма. Но так ли это? Разве буржуа, эксплоатирующий миллионы обездоленных, не лучше развивается в классовом обществе, чем в коммуне? А разве Тэккер, Маккей и Прудон не думают, что частная собственность — условие свободного развития личности? И они правы в том смысле, что ремесленник справедливо считает наиболее благоприятными для своего развития условия равномерного распределения мелкой частной собственности. Наконец А. Боровой в 1906 г. учил, что свободное развитие личности возможно только при уничтожении общества: индивид должен стать самодовлеющей хозяйственной единицей. Это тоже идеал мелкого ремесленника и при том самый последовательный, до конца продуманный идеал индивидуалиста. И только для обездоленных классов — рабочих, крестьянской бедноты и интеллигентской бедноты — нет возможности свободного общественного творчества в соответствии со всеми потребностями, вне анархической коммуны. Анархическая коммуна — не индивидуалистическое требование, а классовое.

Теперь спрашивается, что подразумевают лоскутные анархисты под вольной коммуной? Кропоткин определению анархической коммуны посвятил целую книгу ("Хлеб и Воля"). Ну, а сторонники "единого" анархизма не дают даже определения ее, чтобы не выдать тех скверных

мыслей, которые они скрывают за хорошими словами. Создание коммуны — это развитие и объединение сети экономических организаций, берущих в свои руки управление производством, обменом и потреблением, — говорится в "Декларации Набата". Вы поняли теперь, что такое свободная коммуна? — Я признаюсь в том, что во всей этой бессмыслице я ни-черта не понял. Ведь слово в слово так же определяют свое социалистическое государство все марксисты. Раз здесь напущено столько туману, значит с коммуной дело у них обстоит неблагоприятно.

Перелистываю несколько страниц "Декларации" и нахожу там ясный ответ. "Анархист должен постоянно и упорно агитировать за создание вместо нынешних Совдепов, истинных советов рабочих и крестьянских организаций — беспартийных и безвластных, подлинно объединяющих местные организации по предприятиям и деревням и действительно способных осуществить организацию нового строя". Советы и находятся на верном пути строительства новых форм жизни, объединяя "снизу вверх, от мелких ячеек на местах до охватывающих все предприятия крупных областных советов этих организаций".

Теперь, товарищи, скажите, что это: анархическая коммуна или советская республика? Я думаю, что каждый здраво-мыслящий человек, знакомый с программой Коммунистической Партии (большевиков) скажет, что это, конечно, реформированная советская республика, а не анархия. Интересно отметить, что анархо-синдикалисты из Заграничного Бюро по созданию Российской Конфедерации Анархо-Синдикалистов великоколебно поняли и открыто и честно заявили, что такая организация будет не анархией, а "индустриальной республикой", "временным государством", "переходной ступенью", "экономической диктатурой". И в этом отношении они правы. Они умнее "единых анархистов", ибо понимают чего хотят и называют вещи своими именами. А "единые" — тонут в собственных соплях (как говорят итальянцы), наивно называя советы "вольными и безвластными", думая, что от этих слов легче кому то станет. Они уподобляются тем немецким социалдемократам, которые на критику анархистов отвечают: "мы стремимся к свободному народному государст-

ву", думая, что этими заклинаниями можно государство сделать свободным. Всякое государство есть тюрьма и сколько вывески ни меняй, оно останется тюрьмой. И сколько советы не называй свободными, они все равно останутся государственной формой, враждебной анархии. Говорить о "свободных и безвластных" советах — это все равно, что говорить о свободном и безвластном государстве. Великая заслуга русского анархо-синдикализма именно в том и заключается, что он вскрыл государственную сущность "вольных" советов и дал, таким образом, "доказательство от противного" для нас, анархистов-коммунистов, подтверждая несомнимость советов и анархии. В программе коммунистического анархизма нет никаких советов, а там, где есть советы с каким-либо ярлыком, там мы имеем дело с сознательными или бессознательными сторонниками государственного социализма. И если анархо-синдикалисты из "Рабочего Пути" являются сознательными государственными социалистами, то последователи "единого анархизма" — являются ими бессознательно сами.

(Конец письма утерян при пересылке).

II

Получив случайно № 82 "А. П." я прочел письмо т. А. Шапиро, затрагивающее некоторые интересные вопросы, в обсуждении которых мне хотелось бы принять участие.

Оставив в стороне вопрос о третейских судах и комиссиях, а равно и неумышленную ложь (я уверен, что неумышленную) т. А. Шапиро, будто Секретариат Всер. Федер. А.—К. зарегистрирован Наркомвудделом, а не Г. П. У. (что совсем не одно и то-же — ясно без пояснений), перейдем прямо к тем вопросам, которые он приглашает "внимательно обсудить", упрекая нас в том, что мы до сих пор "легкомысленно отшвыривали" их.

Начнем с "советских анархистов". Советскими анархистами называют: 1) тех бывших или настоящих (?) анархистов, которые признают существующую в России советскую республику необходимой переходной ступенью к анархии (Гурдин, Рошин-Гроссман, Гейцман, Гоннер и т. д.); 2) тех, кто признает необходимой переходной ступенью к анархии, иную чем

в России, более децентрализованную республику советов, так называемые вольные советы (Максимов, Ярчук, Мрачный, Волли, Аршинов и др.); 3) тех, кто не признает советы необходимой переходной ступенью к анархии, но тем не менее участвует в выборах в советы, желая использовать их для агитации и организации своих сил (анархисты-универсалисты в 1920—21 г. г. — Бармаш, Аскаров и др., а так же некоторые члены В. Ф. А. К. в 1917—20 г. г.); 4) анархистов живущих в Советской России, которая теперь называется Советской Федерацией, ибо Российская республика составляет только одну из составных частей ее.

Слово "советский" в этом последнем (четвертом) смысле слова является географическим определением и звучит точно так же, как немецкий анархист, итальянский или американский. Ничего зазорного нет в кличке "советский" в этом смысле слова. Такой анархист может быть последовательным анархистом, вовсе не признающим советы необходимой переходной ступенью к анархии и считающий, что советы и анархия несовместимы. Над разбором слова советский анархист в третьем смысле мы не будем останавливаться, так как с 1922 г. таких анархистов уже нет у нас в советской республике. Над разбором слова в первом смысле — мы не будем останавливаться, ибо об этом уже много писалось в анархических газетах и, кажется, спорить тут не о чем: их оценили по достоинству.

Нам необходимо остановиться только на советских анархистах во втором смысле слова, т. е. на таких, которые признают вольные советы необходимой переходной ступенью к анархии. Мы должны совершенно искренно сказать, что считаем большой заслугой советских анархистов из "Рабочего Пути" перед анархическим движением разоблачение государственного характера как синдикализма, так и вольных советов. Это, повторяю, большая заслуга их, за которую мы должны быть им весьма благодарны.

Еще в 1907 г. т. Новомирский писал (в книге "Из программы синдикального анархизма") о советах и синдикатах, как об основных ячейках анархического общества. В 1917—18 г. г. мы еще путались между советами и анар-

хией, не умея провести между ними границы и осмыслить их теоретически. Некоторые из западно-европейских анархистов, повидимому, и до сих пор не понимают разницы между ними. Для нас же, переживших революцию 1917 г., ясно, что советы, всякие советы, в том числе и "вольные" равно как и федерации синдикатов, являются новой формой государства, экономич. диктатурой (в отличие от политической диктатуры других партий). У нас теперь этот вопрос настолько хорошо разработан, что нужно уже быть слепым, чтобы не видеть, что советы, сколько бы раз их ни крестили именем вольных и безвластных, все равно остаются принудительными органами децентрализованной формы экономической диктатуры. В этом а.—к. согласны с а.—с. из "Рабочего Пути" и по этому поводу не может быть никаких споров. Здесь все точки над *i* поставлены.

Полемика между а.—к. и советскими анархистами разбираемого нами типа ведется вот по какому вопросу: возможна ли такая революция, которая сразу приведет к анархическому обществу, или же особое синдикальное или вольно-советское государство должно быть необходимой переходной ступенью к анархии. Другими словами, революционным путем осуществима анархия или эволюционным? Тов. А. Шаниро не верит в возможность революционного осуществления анархического общества. — "Мы, русские анархо-синдикалисты, . . . боимся, что не удастся нам еще жить по анархически назавтра после революции" — говорит он. И он полагает, что только эволюционным путем можно "разбить все оковы экономического и политического угнетения". Сперва вольные советы, а затем анархическое общество, которое медленно и постепенно разовьется из этих советов.

Мы, революционные анархисты, с этим несогласны. В недрах Первого Интернационала было три мнения по вопросу об осуществлении анархического общества. Маркс учил, что по уничтожении буржуазного общества необходимо установить железную диктатуру, которая преобразует и перевоспитывает общество и затем отомрет, уступая место анархии. Так и теперь думают коммунисты большевики. Бакуини, наоборот, учил о немедленном разрушении государства

и уничтожении всякой власти в целях строительства анархического общества. (Другой вопрос — насколько предлагаемая им система экономического строительства отвечала выдвигаемым им требованиям). Наконец, бельгийский коллективист Цезарь-де-Пап и русский с.—р. П. Д. Лавров пытались занять промежуточную позицию, сесть между двух стульев. Они стремились к установлению такой власти, которая работала бы над самоупраждением. И теперь левые с.—р. и максималисты стремятся к созданию такого государства, которое, децентрализуя и распыляя власть, постепенно растворилось бы в анархии.

Советские анархисты, о которых мы говорили, являются противниками как Маркса, так и Бакунина и примыкают к Цезарю-де-Папу и Лаврову. Они лавристы, а не бакунисты. И напористо они ссылаются на Малатесту, указывая, что он тоже опасается, что сразу нельзя будет уничтожить денежную систему. А.—к. полагают, что сразу можно уничтожить государство и установить анархию, но не сразу удастся установить коммунизм. Хозяйство преобразуется постепенно. Важно чтобы орудия и средства производства во время проведения всеобщей экспроприации были распределены сообразно потребностям всего населения. Предметы потребления со временем тоже станут распределяться по потребностям. Некоторое время и в некоторых местах вероятно будет существовать денежная система, как остаток капитализма. Но остатков государства не будет никаких. В экономике может быть эволюция, но в политике — только революция.

В 1905 г. анархисты говорили с.—д. и с.—р., что те не социалисты, потому что борются не за социализм, а за буржуазную республику. Социалист тот, кто верит в возможность немедленного осуществления социализма и борется за него. То же нужно сказать и об анархистах. Анархист тот, кто, как Бакунин, верит в возможность немедленного осуществления анархического строя и борется за анархию. Не веря в возможность немедленного осуществления анархии нельзя за нее бороться.

Кто не верит в осуществление анархии революционным путем, тот и борется не за анархию, а за переходную ступень — советы или синдикальное общество, и является полугосударственным

ком. Кажется ясно.

А. Шапиро ссылается на практическую мудрость, которая побуждает а.—с. признать невозможность немедленного осуществления анархии и бороться за наиболее удобный, переходный строй. Но ведь все противники анархизма тоже соглашались с тем, что лет через пятьсот будет анархия, которая неосуществима сейчас. Это их опыт и их мудрость. Наш опыт приводит к обратному выводу и мы верим не только в конечное торжество, но и в немедленную осуществимость анархии.

Поэтому наша задача показать теперь же на деле пути строительства анархического коммунизма. Теперь уже недостаточно указаний на пример таких безвластных организаций, как община духоборов, крестьянские коммуны и кооперация. Нам нужен клочек земли, где мы могли бы произвести анархический опыт в большом масштабе. Махновское движение дает блестящий пример анархического разрушения, но оно лишено всякого творческого содержания, благодаря глубоко-антанархической и совершенно бессмысленной агитации за "вольные советы". Пример анархического творчества нам еще нужно показывать.

Нам, интернационалистам, безразлично, в какой стране и среди какого народа мы сможем добыть клочек земли со всеми находящимися там орудиями и средствами производства. Будет ли это "в далекой знойной Аргентине", под синим небом юго-западной Европы или среди задумчивых фьордов холодной Норвегии — все равно это будет нашим родным делом. Лишь бы принцип безвластия был проведен во всей своей чистоте и последовательности и заложены прочные начала свободного коммунизма. Как в отряды Махно со всей России стекались анархические дружины, так и в интернациональном масштабе необходимо организовать взаимопомощь анархистов в борьбе за немедленное создание чисто анархического оазиса среди капиталистической пустыни.

Для этого нужна международная связь не между верхушками больших организаций, а между группами анархистов. Затем, нужны военно-технические кружки анархистов, которые подготовили бы боевую мощь анархических отрядов.

Наконец, нужна ясная, тщательно обработанная программа анархо-коммунистического строительства, учитывающая условия жизни каждой страны. А для этого из нашего мирозерцания должны быть исключены все случайно затершиеся элементы государственности, вынуты все анархические занозы. "Рабочий Путь" (т. е. правая фракция анархо-синдикализма), признавая необходимость переходной ступени, мешает осуществлению коммунистического анархизма. "Анархический Вестник" (т. е. левая фракция анархо-синдикализма), отрицая на словах переходные ступени, на самом деле признает их, ибо признает вольно-советское или синдикальное государство. Если "А. В." не понимает, что он только на словах, а не на деле отличается от "Р. П.", то это свидетельствует только о теоретической безграмотности его. Если же "А. В." понимает это, но выдает синдикальное государство за анархию, то это уже черт знает что.

Анархо-синдикализм пересматривает теорию и практику анархизма, приспособляя его к форме полугосударственного строя. Коммунистический анархизм зовет к пересмотру практики анархизма, в целях освобождения его от всех государственных заноз. Ясно, что а.—с. и а.—к. развиваются в противоположных направлениях, мешают друг другу и враждуют поэтому.

III

В июле вышел № 1 журнала "Анархический Вестник", официально именуемый "органом объединенных анархистских организаций", а по существу являющийся органом левой фракции русского анархо-синдикализма. В многозловонной и водянистой передовой статье, идущей "от Редакции", есть несколько пунктов, мимо которых нельзя пройти молча.

Одни из них подкупают своей искренностью и задумчивостью; это те места, где авторы его, хотя и слишком пространно для серьезного журнала, но хорошо и ясно выражают свою глубокую веру в торжество анархических начал. Читая эти места передовицы невольно проникаешься расположением к журналу. Но... но в ней есть еще и другие места, которые, если бы даже их было мало, все равно портят самый лучший замысел, как ложка дегтя портит калку

меда. Это те места статьи, где редакция говорит вздор об идейном разброде и утверждает, что анархизм не имеет научно-обоснованной системы. До сих пор мы это слышали только от врагов анархизма. Теперь, видимо, завелись друзья, о которых Крылов говорил "услужливый медведь опаснее врага".

Мы, анархисты-коммунисты, не знаем, о каком идейном разброде идет у них речь. В коммунистическом анархизме не было и нет опасного разброда, дезорганизующего движение. Не было его в начале 1918 г., когда Московская Федерация Анархических Групп насчитывала до пяти тысяч членов и издавала ежедневную газету "Анархия", которая расходилась в количестве, превышающем 60.000 экземпляров, тогда как Московский Союз Анархо-Синдикалистской Пропаганды имел всего несколько десятков членов и занимался подсчетом голосов, подаваемых за предлагаемые его членами резолюции на профессиональных съездах, а газета его "Голос Труда" едва насчитывала один десяток тысяч читателей.

Нет этого разброда у нас и теперь, когда анархизм из массового движения превращен в умственное течение. А анархо-синдикалисты благополучно раскололись на сторонников "единого анархизма" ("Набат", "Анархический Вестник"), явных сторонников экономической диктатуры ("Рабочий Путь"), сторонников политической диктатуры (Роцин, Гейцман, Сандомирский, Гопнер и т. д.), бестолковых певцов "вольных советов", наивно воображающих, что государство может стать анархией только от того, что его назовут вольным, группы Павлова, работавшего в профсоюзе булочников, "Почин" Атабекина, собирающий в своей программе всякий хлам, начиная с профсоюзов и кооперативов всех видов и кончая домовыми комитетами, денежной системой Прудона и "офицерскими профсоюзами" для защиты родины и т. п.

Товарищи, читающие советские газеты, вероятно заметили, что с 1918 г. в газетах часто появляются покаянные письма анархо-синдикалистов, уходящих в стан победителей. Начали Анисет-Гиттерман и Лисс, предложившие конгрессу анархо-синдикалистов скопом записаться в Р. К. П. и с той поры не один а.—с. "продал

шпагу свою», выражаясь высокопарным стилем. Только в сентябре 1923 г. советские газеты обошло отступническое заявление одиннадцати анархо-синдикалистов. Это, конечно, показатель разброда. Среди разбитых, битых и недобитых групп анархистов-коммунистов все-таки такой подлости до сих пор еще не было. То, что в книге "Гонения на анархизм" указано сравнительно мало имен анархистов-коммунистов объясняется только "умышленной случайностью", допущенной авторами ее: т. Волин не нашел нужным включить в этот список даже т. т. Эрманда и Хархардина, вместе с ним просидевших в Бутырской тюрьме несколько месяцев! Вот как пишутся иногда исторические документы! При таких "склонностях" ничего не стоит свалить с больной головы на здоровую, утверждая, будто разброд происходит не у анархо-синдикалистов, а во всем русском анархизме. Это называется на свой аршин мерить.

"Хорошая" привычка "вольно" обращаться с фактами и всюду мерить на свой аршин заводит их очень далеко. В анархо-синдикализме действительно царит идейный разброд. Анархо-синдикалисты из "Анархического Вестника" вполне правы, если говорят о себе "идейный разброд наш весьма значителен. Понижение морального уровня в нашей среде еще значительнее". Анархо-синдикализм, конечно, не имеет своей философии и не имеет научного обоснования. Это тоже верно. Но нельзя же взрослым людям, будучи в здравом уме и твердой памяти, все свои собственные грехи сваливать на других. А ведь а.—с. так и делают. Послушайте их.

"Анархизм все еще не представляется научно обоснованной, строгой и стройной системой. Обще-философские, биологические и социологические основы его остаются разрозненными и смутными", — говорится в передовице "Анархического Вестника". Если бы они говорили это о самих себе, — это было бы правильно. Но они с невозмутимым нахальством говорят это обо всем анархизме в целом! Для них, видите ли, М. Бакунин, опередивший в своих чисто-философских положениях таких мыслителей, как Ницше, Бергсон, Шпенглер и др. — не философ! Величайший географ XIX века Элизе Реклю — недостаточно учен, чтобы его взгляды можно бы-

ло назвать научными! П. Кропоткин, которого даже политические враги его, признают выдающимся ученым, оказывается, тоже недостаточно учен, чтобы дать научное обоснование анархизму! Густав Ландауэр для них тоже, как и многие другие — безграмотен!

После всего этого остается только молча преклониться перед великой, хотя и никем не признанной, ученостью редакции "Анархического Вестника" и молча внимать ее поучениям... чуть не сказал — благоглупостям. Кропоткин не дал научной системы анархизма вероятно потому, что не прошел подлежащей школы под руководством членов ученой академии "Анархического Вестника" и не знает, что "анархическая идеология разбивается на три основных плевти: анархо-синдикализм, анархический коммунизм и анархический индивидуализм.

Но каждый, читавший книжку Кропоткина "Современная наука и анархия", знает, что Кропским анархизмом и не ценит его ни в грош. поткин великолепно знаком с индивидуалистическо-Философский индивидуализм Шпирера, Ибсена, Уайльда и других — для него отпрыски буржуазной идеологии, видящей источник прогрессивного развития общества в конкуренции между личностями, а не в массовом творчестве. Экономический индивидуализм (мутуализм) Прудона, Тэккера и Маккэя, требующий признания права частной собственности и питающий страх перед массовым революционным действием, — простое недомыслие мелких буржуйчиков и больше ничего. Тут нечего позаниматься!

Анархо-синдикализм, который, по мнению редакции "Анархического Вестника", должен быть составной частью чисто анархического мирозерцания, как мирозерцание для Кропоткина, не существовал вовсе. И это вполне понятно. О синдикализме можно говорить и как о форме рабочего движения, и как об определенном мирозерцании. Синдикализм как движение, выражающееся в непосредственной борьбе труда с капиталом (стачки, всеобщая стачка, бойкот, саботаж) конечно был приемлем для анархизма, ибо мог служить одним из средств разрушения буржуазного строя.

Но синдикализм, как мирозерцание, был полной противоположностью коммунистического

анархизма. Первый теоретик синдикализма — Жорж-Сорель — был марксистом. Его мирозерцание давало марксистское определение класса, считало единственной формой классовой организации профессиональные союзы и видело в них первые ячейки будущего общества. Что же может отсюда заимствовать анархист? — Ничего, конечно. И если Кропоткина в чем и можно упрекнуть, так это в том, что он в последние десятилетия своей жизни слишком мягко относился к анархо-синдикализму, соглашаясь с тем, что профессиональные союзы можно будет использовать для построения анархической коммуны.

Правда, от своей книги "Хлеб и Воля", дающей план общинного строительства, он не отказался до конца дней своих и в предисловии к книге Пуже о синдикализме он повторяет, что его книга намечает иной путь строительства анархии и что строительство при помощи профессиональных союзов потребовало бы перестройки. К этому надо добавить, что фабрично-заводские комитеты или вернее не комитеты, а общие собрания, Кропоткин считал профессиональными ячейками, а к советам даже вольным, и участию в них относился безусловно отрицательно.

Поскольку самые глубины научности "Анархического Вестника" исчерпываются неблагоприятной работой по сшиванию лоскутков трех ничего общего между собой не имеющих течений анархической мысли, постольку он и не заслуживает никакого внимания, а его претензии на научность и на объединение всех течений просто смешны. Остается только спросить у "объединителей", почему они в эту же кашу не попробуют добавить: кооперативный анархизм Густава Ландгауэра (которого хорошо знал и высоко ценил Кропоткин), ассоциационный анархизм Льва Черного, религиозный анархизм Льва Толстого, мистический "анархизм" Чулкова, Ива

нова и прочих смехотворцев. То-то венегред получился бы! И вышло бы, пожалуй, еще "научнее"!

В особенности забавно слышать разговоры с синдикализмом в анархическом учении со стороны "непримиримых" после того, как товарищи из Заграничного Бюро по созданию Российской Конфедерации Анархо-Синдикалистов печатно заявляли, что анархо-синдикализм есть экономическая диктатура. Это — безусловно верно. И с какой стороны диктатуру к анархическому мирозерцанию не пришивай, каких "ученейших" хирургов для этой операции не приглашай, все равно ничего кроме государственного социализма не получится.

Когда подумаешь, что редакторы "Анархического Вестника" представляют все, что осталось действительно тяготеющего к анархизму в русском анархо-синдикализме, ибо остальная часть его или расплылась или находится на пути к отступничеству, невольно хочется крикнуть: Товарищи, опомнитесь! Посмотрите куда завела вздорная анархо-синдикалистская идеология ваших единомышленников, оставшихся в России. Ведь они перестали быть анархистами! Они — "бывшие"! Перестаньте вносить раздор в здоровое анархо-коммунистическое движение, навязывая ему анархо-синдикалистские бредни, ведущие к экономической диктатуре! Анархо-синдикализм — недоносек, который должен развиваться или в анархо-коммунизм или в большевизм. Перестаньте рядиться в профессорский фрак, выступая против коммунистического анархизма с лоскутками от индивидуализма и синдикализма: ведь из лоскутков ничего не сшить, кроме шутовского наряда! Бросьте вносить путаницу и дезорганизацию и идите в ряды коммунистического анархизма, без неуместных претензий и без синдикалистского хвоста.

Запах смерти — мой любимый запах. И когда человек начинает понимать его прinyтые, знойные ласки, тогда он выйдет из заколдован-

ного круга Разрушения — созидания и примет мой красивый, мой предательский Абсолют Везвластия — Идеал саморазрушения.

Анатолий Консе.

КАК И В КАКИХ УСЛОВИЯХ НАДО СТРОИТЬ ЖИЗНЬ НА СВОБОДНЫХ НАЧАЛАХ.

П. Михайлов.

I

СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОИЗВОЛА.

Прежде чем определить вопрос о том, как и при каких условиях надо строить жизнь на свободных началах, необходимо раньше уяснить современную рабскую жизнь и указать на те или иные неопровержимые факты нашего порабощения. Как ни странно, но в наш 20 век очень часто еще приходится начинать с азов, т. е. доказывать в данном случае неоспоримый факт нашей рабской зависимости от условий современного буржуазного строя.

Этим мы безусловно обязаны господствующим классам, которые, совсем не заботясь об образовании народа, способствуют лишь распространению темноты в пролетарских кругах. Многие из рабочих, благодаря этому туману современного рабства, еще не разглядели себя, как жалких рабов предназначенных на потребу капитализму. Такие люди, загипнотизированные и парализованные всецело системой государственного произвола, ничего не находят позорного в том, что они рабы и совсем не видят возможности лучшей новой жизни без рабства и холопов.

Фактов о настоящем порабощении не приходится искать где то далеко, за горами: весь мир, окружающий людей, напоминает своим устройством жизни и о рабстве и о насилии, об эксплуататорах и об эксплуатируемых и о многом другом во всем мерзостями и ужасами. Во всех углах мира, за исключением разве непроходимых дремучих дебрей, куда еще не могла проникнуть мировая "цивилизация", можно найти порабощителей и порабощенных — властителей и подвластных. И вместе с этими властителями и их формами порабощения, везде непременно существуют обездоленные, влачащие жалкое существование, работающие на хозяев, продающие за бесценок свой труд, а благодаря всему этому с трудом и то не всегда спасающие самих себя от ужасных мук голода, холода и нищеты.

В современном мире, повсюду царит нагая власть, заставляющая трудиться лишь бедняков, заставляющая именно лишь их изнывать под игом власти, а богатым предоставляющая право на жизнь за счет порабощенных. Разве такие явления в теперешней нашей жизни не являются общепризнанными фактами, не подлежащими отрицанию даже со стороны самой буржуазии, которая в своем порабощении дошла до таких крайних пределов, что даже и не старается замаскировать свою преобладающую власть над рабами, совершенно открыто наслаждаясь роскошной жизнью.

Как видно, жизнь во всем мире одинаково зиждется на насилии и порабощении; об этом свидетельствуют раздающиеся со всех концов света стоны пролетариев, и об этом же нам говорит жизнь какого угодно народа, которая в настоящее время основана не иначе как на насилии и угнетении одних людей другими. Все человечество можно разделить в настоящее время на два лагеря, на лагерь насилующий и на насилуемый. Один из них, сделал все для того, чтобы подчинить своей власти людей, для того чтобы создать формы порабощения, в целях своего существования за счет угнетаемых людей. Другой же опирается на насилие и не черпает средств для своей жизни способами порабощения, а живет своим физическим трудом, работая при этом на первую вышеуказанную категорию насильников, т. е. обслуживая ее по необходимости, из за своего рабского положения.

Рабство одних людей в угоду другим, служит явным доказательством того, что людская жизнь протекает не в совсем таки нормальных условиях. При этом, также пролетариат, не весь принадлежит к разряду покорных не сознающих ничего рабов. На насилие порабощителей угнетенные пролетарии отвечают часто протестами и возмущениями, выливающимися иногда в целые

народные движения, грозящие стереть с лица земли рабство и рабовладельцев. Бесчисленное количество восстаний, забастовок и народных бунтов, возникающих на почве недовольства современной жизнью, являются подтверждением того, что люди, если не все, то очень многие, не довольствуясь рабской современностью, стремятся выйти из под рабского состояния к лучшему будущему.

Не приходится, конечно, доказывать, что в 20-м столетии еще существует рабство между людьми. Современный буржуазный мир, своим устройством жизни, без всяких доказательств наглядно доказывает каждому человеку свои отвратительные условия, отравляющие существование всякого живого существа. Что же касается тех людей, которые еще не сознали и не уяснили своего порабощения, то опять таки виновными в этом являются те же условия современной жизни. Угнетенный человек в настоящее время настолько заражен пошлой современностью, что можно от легкого сердца простить тем людям, которые не сознают своего угнетенного положения, хотя они своим несознанием и пассивностью мешают и даже являются тормазом в деле всего рабочего освобождения.

Итак, вместо свободной жизни, вместо непринужденного бытия, человеку предоставлено подчиниться государству и велено довольствоваться той жизнью, которую ему предписывают стоящие у власти. Тем же, кто переступает начертанные властной рукой границы, уготовано государством укромное место, из которого живыми не выходят на волю, а если в редких случаях и выходят, то совсем замученными пытками буржуазного строя. Класс, поработивший трудового человека, зорко смотрит за правилами им установленными. На потребу соблюдения форм пошлой буржуазной жизни пролиты реки рабочей крови, и не смотря на это, жизнь и порядки, проповедываемые буржуазией с каждым днем делаются все пошлее и пошлее. Правда, они сами, как приказчики и повелители (как господа положения), наслаждаются жизнью, ибо в их руках жезл власти, с помощью которого они путем насилия и путем рабовладельчества, делают сытной и праздною свою жизнь.

Современный человек, в настоящее время

находится всецело под контролем власти, последняя старается сделать из него лишь послушного раба, смиренно повинующегося приказам власти и произволу государства. Государство же именно и есть то орудие, которое в капиталистическом строе играет роль порабощателя.

"Государство порабощает своих подданных. (Пишет Бакунин). Оно — насилие, глупое хвастовство насилием. Оно не хочет стать любимым, не хочет направлять на истинный путь; если оно ко чтонибудь вмешивается, то делает это неприязненно, так как сущность его состоит не в убеждении, но в приказывании и принуждении. Ему никак не удастся скрыть, что оно законный нарушитель нашей воли, постоянный отрицатель нашей свободы. Если оно даже приказывает делать чтонибудь хорошее, то оно и это хорошее своим приказанием делает бессмысленным, так как этим поругана свобода. Свобода, нравственность и человеческое достоинство состоят в том, что бы делать хорошее не по приказанию, но по собственной воле, по собственному убеждению.*)

Как мы видим, наша совместная жизнь, в силу создавшегося положения, не является для нас такой жизнью, которая бы нас всесторонне удовлетворяла и не угнетала бы. И это происходит по той простой причине, что люди не являются творцами своей собственной жизни, а всецело зависят сами от жизни, вернее от тех жизненных условий, которые преподносят им государство и правители. Если бы они сами имели возможность руководить своей жизнью, то, жизнь, устроенная ими, была бы иной, благодаря тому, что они не направили бы на себя самих порабощающих форм государственности, а постарались бы обставить свою жизнь на началах такой гармонии, которая бы соответствовала их нравственному настроению.

Рассмотрев таким образом все раньше сказанное, мы неизбежно приближаемся к следующему выводу: пока будут существовать в нашем настоящем общезнати выше описанные условия, до тех пор будет происходить вражда между людьми господствующими, довольными современным

*) Бакунин. Цитирую по Эльзбахеру. Стр. 151.

строем, и между людьми подчиненными, недовольными рабскими условиями строя. Будет вестись также борьба: одна сторона будет защищать свое господство, свое преобладание над людьми, другая будет напрягать все усилия, что бы не допустить своего рабства и чтобы избавиться от властного притязания господ. Исход борьбы будет разумеется предreshen в пользу той стороны, которая наиболее сумеет сконструировать в своих руках нужную силу в своем деле.

Поработители народа, не останавливались ни перед чем до сих пор, чтобы иметь в своих руках власть и управлять народом. Разумеется и в будущем они не остановятся ни перед какими насилиями во имя своего торжества над угнетенным народом. Они будут стараться все сильнее и сильнее укрепиться в своем владычестве, а вместе с этим все крепче и крепче притеснять. Если сегодня, завтра, или после-завтра, или в будущем, им потребуются в целях своего владычества над людьми удалить с лица земли половину всего пролетариата, то и это злодеяние не будет противоречить их нравственному достоинству. Будучи сильны, они, исходя из своих кровавых понятий нравственности, сделают жизнь настолько невыносимой, насколько им это позволяет их кровавое честолюбие.

Угнетенным людям с своей стороны, приходится сильно подумать над своим современным положением и над положением, ожидающим их в будущем, которое не минуется осуществиться, в случае полного поражения капиталистами. Стоит только угнетенным людям почувствовать свою слабость, как уж на сцене рабского современного строя не замедлит появиться во всей своей "красе" неподдающиеся описанию мерзостные деяния капиталистов. И чем больше будут проникать колебания среди подчиненного народа, чем значительнее будет уклон пролетариев в сторону пассивности и непротивления, тем нахальнее будет торжество капитализма.

Как сторонники порабощения стремятся

сконструировать в своих руках наибольшую силу для овладения людьми, так же и порабощенные должны стремиться выработать в себе не желание подчиниться власти, своей пассивности и непротивлению капиталистам, но желание своей силы, которая бы смогла противостоять произволу рабского строя и не допустить вовсе порабощения. Чем сильнее будет желание угнетенных противостоять насилию, чем более они будут сильны, тем менее будут угнетены и тем скорее уничтожат власть над собой и осуществят новые лучшие формы жизни.

В противовес кроваво-звериному образу жизни современного рабского строя, угнетенные должны строить свою жизнь на началах справедливости и нравственности, недопускающей эксплуатации, рабства и вообще каких бы то ни было форм угнетения. Если эксплуататоры настоящего рабского строя стремятся к насилию и к насильственной форме жизни, то это у них вполне естественно и им присуще, так как их цель построить жизнь властную — кровавую, такую где бы на потребу им, дармоедам, правителям существовали рабы, для удовлетворения их хищнических потребностей. Роль и жизнь угнетенных рабочих в новом будущем строе не должны быть сходны, хотя бы мало-мальски, с кровавой ролью капитализма и с современными капиталистическими условиями жизни. Пролетарии должны исходить из своих нравственных выводов и держаться своих нравственных целей, противоречащих капиталистическим.

Ведь господа поработители, в основу современной жизни вкладывают те самые формы принуждения, с которыми теперь приходится бороться угнетаемым людям, а раз так, то надо игнорировать всю капиталистическую систему, предоставляя ее тем, кто хочет быть по своим убеждениям или желаниям, насилуемым и, также тем, кто стремится к насилию и порабощению людей.

(Окончание в след. номере).

ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ.

(Отрывок из речи Пьера Жозефа Прудона, произнесенной в Национальном Собрании).

... Да, граждане, я не оратор,
И речь моя встречает смех;
Но, на трибуне ликвидатор,
Я протестую против тех,
Тех ложных мнений, слов ужасных,
Что здесь услышать довелось.
В простых словах и в форме ясной
Я ставлю вам прямой вопрос.
Я утверждаю с полной верой
И с убеждением говорю:
Что собственность — разбоя мера,
Что все принадлежит труду.
Права труда неоспоримы,
На этом согласятся все,
Но власть труда несовместима
С лихою, выгодной казне.
Ведь собственность с начала века
Организуется всегда
На угнетении человека
Эксплуатацией труда.

(Восклицания).

И всяк, кто думает иначе,
На заблуждение осужден;
Он монтаньяром обозначен,
Но не республиканец он.
Не нужно фраз о фаланстере,
Умолкни, пылкий жирондист;

Ты в торжество труда не веришь,
Ты вовсе не социалист!

(Опять восклицания).

Когда желают в государстве
Законы равенства блюсти,
Тогда теряют право царства
Аристократы и цари.
А равновесье в обращении,
В обмене, равенство сполна
Меж производством, потребленьем, —
Обеспечение труда —
Несовместимы с царством злата,
Где торжествует Капитал,
Там отдан труд во власть богатым,
Там труженик "рабочим" стал,
Итак я дальше заключаю,
Что собственность из года в год
Рабочий люд порабощает,
Она республику убьет!
Или республика младая
Погубит собственность навек...

(Смех. — Волнение.)

Я, с сожаленьем, отмечаю
Ваш жалкий, неуместный смех.
Но то, о чем я говорю вам
Безстрастным голосом сейчас,
Оно придет, подобно бурям,
В грядущем уничтожит вас!

(Ого! Смех. — Волнение.)

1923 г.

Анатолий Консе.

* * *

О СУДАХ И СУДЬЯХ.

(Пословицы и поговорки)

По сборнику Вл. Даля и др.

Неправдою суд стоит.
От вора беда, от суда скуда.
Защити мир не от воров, защити мир от
судов.
Суд правый кривого дела не выправит (приб.
а кривой суд правое скривит).
Суд прямой, да судья кривой.
Где суд, там и неправда; где суд, там и
суть.

В суд пойдешь, правды не найдешь.
За правдой в суд не ходят.
Не иди в суд с правдой, иди в суд с де-
ньгами.
Суд по форме судей прокормит.
Тяжба петля; суд виселица.
Порешил суд, так будешь худ.
На деле прав, а на суде виноват.
Из суда, что из пруда: сух не выйдешь.

Перед судом все равны: все без купя вино-
ваты.

Бумажная вина не прощенная.

На одного виноватого по сту судей.

Богатому идти в суд — трын-трава; бед-
ному — долой голова.

За малое судиться, больше приложить.

Пропадай собака и с лыком, лишь бы не
судиться.

Пошел в суд в кафтане, а вышел — на-
гишем.

Тяжбу завел, стал как бубен гол.

Тяжбу завел, стал гол, как сокол.

Лошадь с волком тягались — хвост да гри-
ва остались.

Не судись: лапоть дороже сапога станет.

Полно судиться; не лучше ль помириться.

У наших судей много затей.

Судья в суде, что рыба в пруде.

Судья, что плотник, что захочет, то и вы-
рубит.

Поп ждет покойника богатого, а судья —
тигуна тароватого.

На попа да на судью денег не наготовишь.

Помути бог людей, накорми судей.

Чье дело? — Старосты. — А кто судит?
— Староста.

На богача доказывай, а сам иди в тюрьму.

То-то и закон, как судья знаком.

В суд ногой, в карман рукой.

Судье то и полезно, что в карман полезло.

Ах, судья, судья: четыре полы, восемь ка-
рманов.

У судьи совесть в карманах спрятана.

Судейский карман, что поповское брюхо.

Судейскому обету, рубль на примету.

Судью подаришь, все победишь.

Дари судью, так не посадит в тюрьму.

Скорее дело вершишь, коли судью подаришь.

Найди судью, чтобы не брал мзду.

Собрал и записал А. К.

* * * *

Трусливый крот земной упорно землю роет,

Но волей небо падают храбрецы.

Я вас пою, безвластные герои,

Свободные и гордые борцы.

Борцы свободные сражаются с врагами,

И козни врагов борцов тех не страшат;

Но тьма народная, векормленная веками,

Велит борцам идти назад.

О скалы черные невежества глухого!

О волны темные презренной клеветы!

Вздвигайтесь в высь с разбега рокового

Разбейте грудь о берега Мечты.

Мечта Свободная — священный дар
Природы!

Ты — Свет во тьме для избранных сердец.

В кровавой мгле мятежного похода

Твои сыны плетут тебе венец.

Пусть ты осмеяна, поругана толпою;

Пусть ты растоптана, повергнута во прах;

Твои сыны в содружестве с тобою

Куют мечи, лелеют битвы стяг.

О скалы черные невежества глухого!

О волны темные презренной клеветы!

Вздвигайтесь в высь с разбега рокового

Разбейте грудь о берега Мечты.

Мечи булатные и стрелы роковые,

Вы защитите дивный Храм Мечты.

Ему грозят насильники слепые,

Враги Свободы, дети вечной тьмы.

Мечты Любимой смелые полеты

Пугают тех, кто тьме поет хвалу...

Вперед, борцы! под тенью эшафота

Умрите вы, родив на свет Мечту.

О скалы темные невежества глухого!

О волны черные презренной клеветы!

Вздвигайтесь в высь, с разбега рокового

Разбейте грудь о берега Мечты.

1923 Сентябрь.

Анатолий Консе.

УБИЙСТВО ЯПОНСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

22 НОЯБРЯ 1923 ГОДА.

Ко всем революционным синдикалистам,
Ко всем анархистам,
К рабочим везде и повсюду,
Нашим японским товарищам и Ассоциации Про-
фессиональных Союзов Японии!

Зверское убийство десятков дюжины наших храбрейших товарищей совершенное японскими гончими собаками, вызвало у революционеров всех стран волну глубокого негодования против системы, которая разрешает и потворствует хладнокровному убийству.

Рядом с именами Списа, Парсона и других мучеников американской плутократии, с именами Котоку и Феррера, будут начертаны в памяти интернационального труда, имена Саюэ Осуги, Ное Ито, Хирасава и всех павших вместе с ними от рук наемных убийц, оплаченных и затем укрытых японским правительством.

Анархистская и синдикалистская пропаганда в Японии стала силой с которой должно считаться. Ассоциация Японских Профессиональных Союзов, — в рядах которой Осуги, Хирасава и другие мученики были активными деятелями, — стала приобретать большую силу, и японское правительство, будучи не в силах бороться с ее развитием, прибегло — под покровом как бы истерики произошедшей от последствий землетрясения — к трусливому убийству из за угла, как единственному средству, чтобы оградить себя от влиятельнейших работников в Анархистском и Революционно-Синдикалистском движении Японии.

Интернациональное рабочее движение не забудет этого подлого поступка японского империализма и будет подпорой тяжело придавленному рабочему движению Японии.

Могут быть убиваемы мужчины и женщины, но идеи, за которые они боролись и умирали, переживут всех убийц. Останки наших павших товарищей оплодотворят почву под которой они лежат и посеянное ими семя даст урожай, который превратится в компактное (плотное), соз-

нательное и могучее рабочее движение, которое сметет с лица земли кровавую шайку правителей, что управляет судьбами японского народа.

Товарищи Японии!

Мы знаем, что вы не уклонитесь с тяжелого и тернистого пути, который вы избрали. Больше чем когда бы то ни было, теперь время для вашей и нашей работы идти рука об руку к общей нашей цели — к Интернациональному освобождению рабочих всех стран.

И вы, товарищи, члены Ассоциации Профессиональных Союзов Японии:

В предстоящей борьбе за ваше существование, вы найдете сердечную и непоколебимую поддержку всего революционного рабочего движения, а раньше всего в организациях объединенных в Международном Товариществе Рабочих и дружественных с ним.

Рабочие Европы и Америки!

Пусть ни один из вас не пройдет мимо трусливых и ниских убийств совершенных наемниками японского правительства без выражения вашего возмущения в лицо тех, кто за них ответствен. В каждой стране имеются люди и учреждения, которые как будто бы представляют Японию, — но, в действительности представляют японский капитализм и империализм; представляют убийство и хищничество. Скажите им, что вы всегда будете помнить, что они являются убийцами Осуги и его друзей....

Осуги, его жена, Хирасава и много других — мертвы!

Да здравствует, с большей энергией, чем когда либо, революционное рабочее движение Японии!

Долой японских гончих!

Да здравствует Интернациональная борьба против Империализма, Капитализма и Государства!

Международное Товарищество Рабочих.

РЕЗОЛЮЦИЯ

А.—К. ГРУППЫ Г. ФИЛАДЕЛФИИ.

Разбирая резолюции Конференции А. К. Групп от 12-го августа 1923 г., невольно хочется остановиться на вопросе об "Анархическом Вестнике". Вынесенная резолюция по данному вопросу говорит сама за себя, что делегаты, присутствовавшие на конференции, не были ознакомлены с этим вопросом, а потому и резолюция, вынесенная ими, носит колебательный характер.

Мы, группа А.—К. гор. Филадельфии, познакопившись с журналом "Ан. Вестн.", пришли к заключению, что таковой не является "расходящимся с принципами А.—К.", как говорится в резолюции; и поэтому мы решили вынести свою резолюцию по данному вопросу и высказать свое мнение и отношение к журн. "А. В.", дабы этим самым поставить в известность товарищей анархистов вообще, а в частности — товарищей примыкающих к Федерации А. —К. Северной Америки.

Мы, группа входящая в Федерацию А.—К. Северной Америки, исходя из принципов равноправности, считаем, что вынесенная нами резолюция не будет противоречить нашим принципам, а равно и не послужит для Федерации А.—К. Северной Америки, в которую и мы входим, деморализующим началом. Мы также считаем, что каждая А.—К. группа, входящая в Федерацию А.—К., автономна в своих решениях и может высказывать свое мнение так, как она понимает; поэтому вынесенная нами резолюция есть не что иное, как проявление той независимой мысли, которую мы проповедем, несмотря на то, что, быть может, некоторые товарищи из Федерации А.—К. групп с ней (резолюцией) не согласятся, подобно тому, как и мы иногда не соглашаемся с решениями других.

Одновременно с вынесением своей резолюции по отношению к журналу "А. В.", мы так же не можем обойти молчанием и резолюции "Союза Объединенных Анархистов Северной Америки", помещенной в журнале "А. В." № 2. Не соглашаясь с их основной мыслью о состоянии анархического движения, мы безошибочно можем

сказать, что мысль, выраженная ими в своей резолюции, может относиться лишь к тому, кто ее выражает, но ни в коем случае не к анархическому движению вообще. По их мнению, причинами слабости анархического движения являются "фанатизм, догматичность и нетерпимость различных анархических фракций и течений". Если эти причины действительно ощущаются среди анархического движения, то мы считаем, что это лишь следствие обстоятельств, в кругу которых мы все возвращаемся (чего не отрицает и С. О. А. С. А.), и злонамеренное проявление некоторыми индивидуумами из анархической среды своего бессознательного эгоизма — самолюбия. Фанатизм же в анархической среде не должен иметь никакой почвы, уже потому, что анархисты, всегда и везде, стараются уяснить каждому и всякому, что, прежде чем быть анархистом, нужно сделаться человеком, рассуждающим самостоятельно и не быть слепым последователем чего бы то ни было и кого бы то ни было. А раз это так, то каждый индивидуум, вступая на почву анархизма, старается рассуждать так, как он понимает и объединяется с теми, которые хотя в некоторых вопросах выражают его мнение.

Яблоко раздора, таким образом, может возникнуть лишь теми лицами, которые страдая недугом самолюбия, стараются приписать что-нибудь уже организовавшимся и объединившимся индивидуумам. Мы также не можем верить в такое объединение, о каком мечтает С. О. А. С. А. ибо оно больше чем утопично. Невозможно влить понятия всех анархистов в один сосуд, как невозможно и исчезновение самих анархических фракций.

Человек, вступая на арену анархизма, прекрасно понимает, что анархизм один и другого не существует, но для осуществления такового у каждого индивидуума имеется свой собственный взгляд, отобрать который от него или навязать ему иной — было бы нелепостью. И это не только при существующей системе, — с уничтожением капиталистической системы люди тоже будут строить свою жизнь так, как они будут ее понимать. Если одни будут понимать жизнь так, как ее понимают коммунисты, то и устраиваться

будут на коммунистических началах; те же для кого индивидуализм будет выше всего — будут жить индивидуально; а если окажется потребность у иных организоваться в ассоциации, — они это будут делать. Только практическая жизнь может показать негодность той или иной фракции, которая, разумеется, сама собой исчезнет.

Не собираясь останавливаться на некоторых деталях вопросах в резолюции С. О. А. С. А. с которыми мы тоже не соглашаемся, приступим теперь к изложению нашего отношения к журналу "А. В."

Признавая, что солидарное сотрудничество и развитие каждого индивидуума, могут быть осуществлены лишь при абсолютно автономных действиях; признавая также огромное значение революционной инициативы всякой отдельной личности, — мы приветствуем выход журнала "Анархический Вестник", надеясь на его широкую революционную работу в развитии анархизма. Мы также приветствуем и личности, объединившихся для этой работы. Будем содействовать существованию журнала и помогать, как морально, так и материально, до тех пор, пока он будет соответствовать нашему взгляду и разделять наше мнение. Мы рекомендуем также и другим тов. А.—К. последовать нашему примеру. Мы также призываем товарищей, издающих "А. В." кооперировать с нами, в нашем издании "В." и этим самым мы ускорим и расширим развитие великой и неделимой идеи анархизма.

Долой же догматичность и фанатизм, да здравствует единодушие и искренность.

Группа А.—К. г. Филадельфия.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ: Как видно из вышеприведенной резолюции, группа города Филадельфии "познакомившись с журналом "Анархический Вестник" и найдя, что "делегаты, присутствовавшие на конференции, не были ознакомлены . . . и резолюция, вынесенная ими, носит колебательный характер", решила поставить в известность" товарищей, что "Анархический Вестник" не является "расходящимся с принципами анархического коммунизма". Поступок группы, кроме похвал, ничего не заслуживает (особенно с анархической точки зрения),

но, к сожалению, группа не приводит ни малейшего доказательства в пользу своего утверждения, без чего очень трудно рассчитывать на то, чтобы резолюция поставила кого-либо в известность.

Что касается нас, т. е. Редакционной Коллегии "Волны", то мы, после прочтения резолюции, остаемся при своем старом мнении и заявляем, что между "Анархическим Вестником" и анархо-коммунизмом есть принципиальные расхождения. Разумеется, такое наше заявление не следует понимать в смысле "драться", — мы очень рады видеть в наших рядах журнал, подобный "А. В." и от души приветствуем его выход. Но приветствуя журнал, как таковой, мы, тем не менее, считаем нужным и целесообразным не забывать также и тех расхождений, которые существуют между "А. В." и анархо-коммунизмом.

Остановимся на них хотя бы вкратце.

Обыкновенно думают, что так называемый объединенный анархизм есть не что иное, как обыкновенная связка известных составных частей в их действительном состоянии; а поэтому, логически делают отсюда вывод, что все то, что заключают в себе составные части, в целомсти находится и в синтезе. Такое мнение не совсем правильно: всякий синтез не может быть чем то безусловно отвлеченно-связующим составные части: синтез сам по себе, есть определенный объект, что то новое, появляющееся в результате соединения составных частей, а потому не только соединяющее составные части, но и растворяющее их в себе. Вода, например, есть не простое соединение водорода и кислорода, а что то совершенно новое, растворяющее в себе составные части и не похожее на них в их отдельном виде.

То же самое и "объединенный анархизм": в нем нельзя отыскать его составных частей, — анархо-синдикализма, анархо-коммунизма и анархо-индивидуализма, — в их первоначальном виде: в силу общего закона они, соединяясь, должны преобразоваться, утратить свой первоначальный вид и явить из себя совершенно новую сущность, как по понятиям, так и по проявлениям. На практике эта теоретическая предпосылка прекрасно подтверждается. Несмотря на то,

что история об'единенного анархизма сравнительно не велика, но и из нее можно заключить, что лица, являющиеся носителями "об'единенческой" идеологии, строго блюдут лишь новую (об'единенную) тенденцию и ничего не имеют с тенденцией старой. Иными словами говоря: анархо-синдикалисты, анархо-коммунисты или анархо-индивидуалисты, став "об'единенными" окончательно уходят и порывают со своим бывшим воззрением. Синдикализм, коммунизм и индивидуализм — в синтезе — остаются только на словах; в сущности же нет никакого синдикализма, ни коммунизма, ни индивидуализма, — есть только один "об'единенный анархизм".

Утрата составными частями своего первоначального состояния, однако, не так важна в тех случаях, где этого требует необходимость, и синтез в таких случаях просто желателен (например превращение водорода и кислорода в воду само по себе необходимо, ибо без воды обойтись нельзя). Но дело в том, что в данном случае нет никакой надобности в синтезе. Анархо-синдикализм, анархо-коммунизм или анархо-индивидуализм, отнюдь, не являясь только частями чего то целого или крупницами какой то "единой" истины, как это утверждают "об'единенцы", а представляют собой полные целостные стороны одного и того же идеала. Достаточно обратиться, например, к а.—к. чтобы убедиться, что он заключает целую программу, как достижения, так и осуществления анархизма; то же самое можно сказать и относительно а.—с. или а.—н.: все они составляют целостные и по-своему законченные стороны. И нет сомнений, что осуществление анархизма будет идти разными путями, а осуществившись он (анархизм) заиграет многими красками и цветами.

Само собой понятно, что этим несколько не исключается возможность и даже целесообраз-

ность солидаризирования и координирования отдельных разветвлений анархизма. Но такое координирование далеко не есть синтез. В то время, как всякая координация является обыкновенным единением, где каждая составная часть участвует сознательно и самостоятельно, синтез — есть органическое единство, растворяющее и поглощающее автономность и самостоятельность составных частей. Это необходимо и следует иметь в виду, что единение и единство — понятия неодинаковые.

Вот почему мы, т. е. Редакционная Коллегия "Волны", желая самого широкого единения, т. е. солидарности и координации, среди анархистов, отрицали всякое единство, т. е. синтез, растворяющий и поглощающий в себе многогранность анархизма.

Из вышесказанного вытекает:

а) об'единенный анархизм не есть обыкновенное сочетание известных составных частей, а является понятием совершенно новым, не похожим на свои составные части в их отдельном состоянии;

б) многочисленные разветвления анархизма не есть только частицы или крупницы со скрытой потенциальной силой, а являются отдельными — полными и законченными — сторонами анархизма;

в) соединение многочисленных сторон анархизма целесообразно лишь на почве координации, когда каждая из составных частей не теряет своей самостоятельности, а не на почве синтеза.

Разница, таким образом, между об'единенным анархизмом и анархо-коммунизмом заключается в том, что первый, растворяя в себе составные части, не имеет ничего анархо-коммунистического, а второй, отрицая всякое единство, не имеет ничего "об'единенческого".

Б Ю Л Л Е Т Е Н Ь

ОБ'ЕДИНЕННОГО КОМИТЕТА ЗАЩИТЫ ЗА КЛЮЧЕНН. РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В РОССИИ.

№ 2.

1923 г.

Берлин.

Приступая к выпуску второго номера "Бюллетеня", Комитет с чувством большого удовлетворения и благодарности отмечает, что известия

и призывы, помещенные в № 1 "Бюллетеня" встретили сочувственный отклик в чрезвычайно большом числе органов революционной печати.

В № 249 "Libertaire" — "Бюллетень" перепечатан целиком. Частями он появился в германском "Syndikalist", в голландском "Vreye Socialist", Amsterdam от 31—X, в стоковольском "Arbeider" от 9—XI, перепечатан целиком также в немецком "Aktion" и в "Американских Известиях" органе Российских Рабочих Организаций Соединенных Штатов и Канады.

Товарищи из "Los Angeles" (Cal.) перепечатали первое воззвание нашего Комитета на английском языке в количестве 3000 экз. и организовали митинг протеста против преследований русских революционеров. Международное Антимилитаристское Бюро (И. А. М. Б.) разослало по всем своим адресатам письма с подробным изложением нашего "Бюллетеня".

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ АМНИСТИЯ.

Как известно большевистское правительство объявило кронштадтским матросам, участникам героического восстания 1921 года, бежавшим за границу, амнистию, в случае их добровольного возвращения. Большое число их, доверившись обещанию правительства, вернулось в Россию. Однако, как только они перешагнули границу Советской России, они были все арестованы, и после долгого заключения 20 сентября сосланы в концентрационный лагерь на дальнем Севере на 3 года. Приводим один из списков кронштадтцев, сидевших в Петроградской тюрьме.

Список и краткая характеристика участников кронштадтского восстания 1921 года сосланных в концентрационный лагерь Соловки сроком на три года каждый.

1. ФЕДОТОВ, Василий (Михеевич). Военный моряк линейного корабля "Петропавловск", б. рабочий Путиловского завода. Участник революции 1917 г. Принимал активное участие в создании первого революционного совета Балтийского флота. Возвратился из Финляндии на основании двух амнистий ВЦИК. Содержался под стражей 1 г. 5 мес.
2. ЗВЕЛТИС, Иван. Б. рабочий. Военмор линкор "Севастополь" на корабле находился с 1916 г. Участвовал в рев. 17 г. при

создании первого совета Балтфлота. В До-ме Предварит. Заключения находится 1 г. 2 мес. Возвратился после двух амнистий.

3. АНДРЕЙЧЕНКО. Моряк линк. "Севастополь", б. рабочий машиностроительного завода, принимал участие в трех революциях. В Д. П. З. находится один год.
4. ГУРЬЕВ—ДАЛМАТОВ. Военмор линкор. "Петропавловск" (1905, 1917 — февраль и октябрь), крестьянин Рязанской губ. Участник трех революций. В ДПЗ находится 1 год.
5. ЮДИН, Владимир. Военмор, кр. Олонецкой г. участник трех революций. В ДПЗ один год.
6. БРУСНИКИН, Степан. Военмор, кр. Симбирской губ. Участник трех революций. В ДПЗ 1 год 3 мес.
7. ЗАХАРОВ, Александр. Моряк, член РКП, вышел из партии в дни восстания. Участник революции 1905 г. В ДПЗ один год 3 месяца.
8. ЕРМОЛАЕВ, Иван. Моряк рабочий, участник трех революций. В ДПЗ один год.
9. ТЕРЕНТЬЕВ, Степан. Моряк, до военной службы рабочий-металлист. Состоял членом РКП, вышел из партии в дни кронштадтского восстания. В ДПЗ один год и три мес.
10. КУЛЬШЕВ, Степан. Моряк, крестьянин, участник рев. 17 г. В ДПЗ — 1 год.
11. ТУРКИН, Гаврил. Секретарь Кронштадтского Ревкома, рабочий электро-монтер, б. моряк, участник всего рев. движения Балтфлота. В ДПЗ — 1 год 3 мес.
12. БОГДАНОВ, Андрей. Моряк, крестьянин, участник революции 17 года в Балтфлоте. В ДПЗ — 13 мес.
13. КУРКИН, Иван. Красноармеец, крестьянин Рязанской губ. Участник револ. движения до 1917 г. В ДПЗ — 1 год 3 мес.
14. ЛОБИЩЕВ, Иван. Красноармеец, кр. Новгородской губ., участник рев. 1905 г. в Новгородской губ. Участник рев. движения в Кронштадте. Содержался под стражей при самодержавии. В ДПЗ 11 мес.
15. ЕРШОВ, Василий. Красноармеец, кр. Новгородской губ. Участник револ. движения в Кронштадте. Содержался под стражей при самодержавии. В ДПЗ 11 мес.

16. **МАРТЫНОВ**, Яков. Красноармеец, крестьянин, участник революции 17 года. В ДПЗ 13 месяцев.
17. **ФЕДОРОВ**, Яков. Красноармеец, крестьянин, участник рев. движения в армии. В ДПЗ 13 месяцев.
18. **РАЗСКАЗОВ**. Красноармеец, крестьянин, участник рев. движения в армии. В ДПЗ 13 м.
19. **БЕЛОЙ**, Леонид. Рабочий искусства, крестьянин. В ДПЗ 1 г 6 мес.
20. **ЯКОВЕНКО**, Василий Андреевич. Моряк, активный участник рев. движения Балфлота. Член Кронштадтского Ревкома. В конце первой половины сентября отправлен в Москву. Дальнейшая судьба неизвестна.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДВУХ ТОВАРИЩЕЙ.

15 ноября, Комитет помощи арестованным в России революционерам, обратился в Бюро Международного Товарищества Рабочих с следующим письмом:

"Уважаемые товарищи! Как вам известно, преследование русских революционеров со стороны русского правительства продолжается. Мы знаем, что товарищи из МТР всегда принимали участие в судьбе русских революционеров. "Комитет Защиты" вынужден обратиться к вам с просьбой использовать ваше влияние для спасения одного из тысячи арестованных и сосланных революционеров. Данный случай заслуживает вашего особенного вмешательства уже потому, что он является необыкновенным даже при нашей неслыханной русской обстановке.

"Товарищ Давид Коган (Лев Рубин) привлекательная и нравственным отношением личность, выдающийся революционер-анархист, сидевший много месяцев в тюрьме Деникина, был вместе с анархистом Иваном Ахтырским в октябре 1922 года арестован ГПУ в Москве. С тех пор оба они исчезли. Все попытки наших товарищей розыскать их в одной из тюрем, чтобы сделать им передачи, остались безуспешными. Замечательно также, что сестра Когана — Куйбищева, жена высокого большевистского сановника, также не могла добиться сведения. Товарищ Коган страдает в сильной степени нервным заболеванием, оба

они в последние годы жили в тяжелых условиях. Наши товарищи в России испытывают величайшую тревогу за судьбу этих обоих революционеров, следы которых исчезли. Мы убеждены, что МТР в данном случае, как и в случае с т. Шапиро, использует свое влияние, чтобы мы по крайней мере могли узнать место нахождения этих товарищей, для оказания им помощи. Полное исчезновение двух революционеров настолько, чтобы и их родные даже не могли открыть их места нахождения, было бы невозможным даже при Муссолини и Primo де Ризера. Или мы должны предполагать наихудший конец для наших товарищей, о котором русское правительство не имеет мужества сообщить? В таком случае мы просим Бюро МТР выяснить обстановку этого неслыханного преступления.

С революционным приветом
Секретарь Комитета М. Мрачный".

ТЕКУЩАЯ ХРОНИКА РЕПРЕССИИ

Аресты в Москве.

23 октября в Москве были произведены массовые аресты среди левых с.—р. и максималистов. Среди них арестованы: Л. Головина, Н. Карпова, Я. Карпов, И. Петров, Р. Семитицкая, Данилин, Нюшенков.

Арестована также и Е. Игнатьева, занимавшаяся помощью заключенным. Яков Браун выслан на 3 года в новый концлагерь в г. Суздаль. Ю. Панибратцев выслан в Усть-Сысольск.

Анархо-синдикалист, активный работник единственного в России издательства "Голос Труда" Ефрем Рубинчик арестован в сентябре и сидит по сие время. Товарищ болен цингой. Надо думать, что этим арестом правительство хочет окончательно убить издательство.

Упомянутая в № 1 "Бюллетеня" Мария Вегер, возвращенная из Вологды в Петроградскую тюрьму, в начале октября увезена неизвестно куда.

ПОМОЩЬ ЗАКЛЮЧЕННЫМ:

Комитетом получено:

Из "Los Angeles" (Cal.) чороз т С.—20 дол.

"Le Proletario (I. W. W.) . . .—25 дол.

Товарищи, приближается зима!
Заклученные нуждаются в одежде и питании!
Нужна ваша систематическая помощь!

Крепопонденцию и деньги (в иностранной валюте) просим присылать по адресу:
F. Kater, Berlin O. 34 Kopernikusstr. 25 II
Germany.

Делегация партии левых с.—р и с.—р.
максималистов И. Штейнберг.
Группа русских анархистов
в Германии Волин.
Представитель Московского Комитета
помощи анархистам Александр Беркман.
Секретарь М. Мрачный.

ОТЧЕТЫ И ЗАЯВЛЕНИЯ.

ФЕДЕРАТИВНЫЙ ОТЧЕТ С 3-ГО НОЯБРЯ ПО 1-Е ДЕКАБРЯ 1923 Г.

Приход за "В."

Анс—ия	7.35
Ма—ан	2.10
Н. Г—ен	13.95
Гринп—т	1.20
Дж. Сити	1.20
Ну—рк	10.55
То-же в фонд	10.00
Нью И.	4.25
Ма—сон Ил.	5.00
То-же, за лит.	10.00
Порт —рт К—да	1.20
Чп—го	5.75
Итого	72.55

Приход на защиту товарища в Ф. С. К—да.

Нью Бр—и	10.00
Гар—рд	10.00
Вал—р	27.50
Итого	47.50

Всего прихода — 120.05

В кассе оставалось — 105.07

Всего в кассе — 225.12

РАСХОД:

Издание журнала № 47	159.00
Рассылка	12.50
Кат чикагских мучеников	4.00
Пересылка денег в Россию Э.	14.25
Мелкие расходы	2.10
Выслано в Д—т на защиту	47.50
Пересылка	0.20
Итого	239.55

Приход — 225.12

Расход — 239.55

Дефицит на 1-е декабря — 14.43

Секретарь.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Тов. "Я", во 1-х переносить полемику со страниц одного органа на другой — крайне неудобно; и во 2-х статья написана слабо и плохо обработана. Поместить ее по этим соображениям мы не можем.
